

Александр Борун

Заклятие лабиринта

18+

Александр Феликсович Борун

Заклятие лабиринта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30484385

SelfPub; 2018

Аннотация

От лица девушки-агента по особым поручениям, которую очередное поручение мистическим образом заводит в безвыходный городской лабиринт, полный смертельных ловушек. Но, в конце концов, Добро побеждает Зло.

ЗАКЛЯТИЕ ЛАБИРИНТА

Глава 1. Принеси то – не знаю что

– Всякое на заданиях случалось, но такого еще не бывало, – пожаловалась я неизвестно кому, подавленно осматривая очередной квадратный двор, окруженный со всех сторон многоэтажным домом, куда я вошла через арку из соседнего такого же двора. Мне очень плохо, и телу и душе, после всех почти что удачных попыток меня прикончить. Я в изнеможении. И в отчаянии. Готова просто лечь и сдохнуть. День кончается, и моя жизнь, похоже, приходит к концу вместе с ним. Днем мне еще каким-то чудом удавалось спастись из всех ожидавших меня ловушек, притом не без ущерба, а уж ночью, я чувствую, заклятие лабиринта не даст мне никаких шансов...

–шансов–шансов–шансов–

Шансов на самом деле не было уже утром, когда все начиналось. Уже тогда меня мучили дурные предчувствия. Но еще можно было себя убедить, что все совсем не так плохо...

–плохо–плохо–плохо–

Плохо рассказываю: забыла представиться. Меня зовут Марина Серова, для друзей и в опасной обстановке для краткости Ринка, мне двадцать восемь лет, и иногда кажется, что молодость безвозвратно прошла. Сейчас я частный бодигард, то бишь телохранитель. Очень хороший, широко известный в соответствующих узких кругах и довольно дорогой. Последнее время прикидываю, не сделаться ли частным детективом, как одна моя знакомая. Немного поднадоело, что приходится много и однообразно работать руками и ногами, а ведь накопившийся опыт уже должен позволить заменить беготню и драки на работу мозгами. Так и так иногда приходится ради сохранения жизни клиента работать детективом. Например, совсем недавно на одну клиентку наезжали, требуя вернуть деньги, одолженные еще ее мужем, ныне уже покойным, и пропавшие. Спасти ее можно было, только найдя эти деньги. В конце-то концов, я вычислила, что муж не просто так умер от сердечного приступа, и деньги не просто так случайно таинственно исчезли, оба события организовал один человек, считавшийся другом покойного и его жены. И задача была решена. А скольких неприятностей, связанных с наездами заимодавцев, можно было бы избежать, догадайся я об этом сразу... Ну ладно.

Я начинала с учебы в Ворошиловке. Там меня подготовили к работе «тихого» шпиона. В должности незаметного технического работника какого-нибудь посольства. Ведь ни для

кого не секрет, что посольства занимаются шпионажем почти официально. Иногда шпионы, работающие в посольстве в какой-нибудь стране, настолько надоедают контрразведке этой страны своим постоянным мельтешением, что их принудительно меняют на других таких же. Это делается согласованно, взаимно высылаются сотрудники обеих стран, имеющих друг у друга посольства...

Ладно, поехали. Все равно ни в какое посольство я не попала. В числе немногих выпускников меня направили в особое подразделение «Сигма». Там я приобрела навыки, позволяющие выживать в опасных ситуациях. Но применить их, будучи в «Сигме», не успела.

Всего за месяц произошло подряд несколько событий, катастрофических для моей карьеры диверсанта.

Полковнику Анисимову, шефу «Сигмы», человеку, научившему меня тому, что я теперь собой представляю, было как раз пора получать очередное звание. За большие заслуги. Документы на присвоение ему генерал-майора уже были выписаны и подписаны. Я уже про себя стала называть его «товарищ генерал», чтобы привыкнуть. Вместо этого случилось так, что он был разжалован и отстранен от командования «Сигмой». Он получил от руководства преступный приказ, выполнение которого повлекло бы массовую гибель людей, и отказался его выполнить. Честь оказалась несовместима с карьерой.

В это нелегкое время, когда он так нуждался в помощи

и поддержке, его жена и дочь, недовольные потерей материальных благ, устроили ему обструкцию. Я им этого никогда не прощу. Не выдержав сражения на два фронта, так и не ставший генералом полковник Анисимов покончил с собой.

Мне разонравилось в органах, и я решила уйти из них. Это не так-то легко, но мне помог отец. Он генерал, имеющий большой вес в наших Вооруженных силах. А мы с ним тогда еще не поссорились. Это произошло позднее, после смерти матери, от которой он оскорбительно быстро оправился...

Возможно, так легко меня все равно бы не отпустили, но вскоре и все особое подразделение распустили на вольные, так сказать, хлеба. Безработных агентов оказалось так много, что никому уже не было дела, кто из них как оказался безработным.

И я из агента по кличке Багира превратилась вот в это редкое явление, леди-бодигарда, как меня шутливо называет один знакомый программист. Впрочем, грех жаловаться, мне вовсе не плохо, многим пришлось гораздо хуже. Более того, когда я привыкла к своей новой работе, у меня появились некоторые дополнительные претензии к прежней.

Именно дополнительные и именно к прежней. Не могу сказать «запоздалые претензии» и «к бывшей работе». И вот почему.

Произошло как-то одно событие. Тогда казалось, что это был случай...

–случай–случай–случай–

Случай занес меня как-то на Германскую улицу. Тогда еще это был проспект Кострикова. Но уже сделанный, в подражание Арбату в Москве, пешеходной улицей. С пешеходными переходами через пересекающие его обычные улицы, по которым по-прежнему двигались машины.

Время было интересное, переходное. (Китайцы ругаются: «Чтоб ты жил во времена перемен!») Происходящее еще называлось перестройкой и демократизацией. (Шутка того времени: «Чем демократизация отличается от демократии?» – «Тем же, чем канализация отличается от канала!»). Но уже становилось ясно, что эксперимент с фермерами проваливается. Хотя и было еще неясно, что это происходит потому, что у земли давно есть настоящие хозяева, которым конкуренты не нужны. Ожидался голод. Который так и не настал. Или настал для некоторых слоев населения, это как посмотреть. А тогда была тихая паника. Население старательно запасало продукты. (Мужчина, уставший стоять в длинной очереди: «Да когда же наконец этот голод наступит?!»)

Вот и я, проходя по Кострикова, куда незадолго до того свернула с улицы Звезд Султана, увидела традиционную длинную очередь за чаем и, поддавшись общему настроению, встала в нее. Все равно я гуляла по центру Тарасова совершенно бесцельно, отдыхая после дела с музыкантом, на которого вдруг по неизвестной причине началась охота, но

потом, при моем участии, все кончилось благополучно.

Есть на Кострикова единственный на весь Тарасов магазин «Бурундучок», в котором даже во времена застоя иногда давали индийский чай. Вот и теперь казалось, что времена дефицита вернулись.

Очередь была длинная, но двигалась быстро. Потому что, пока дают чай, никто больше ничего в «Бурундучке» не покупает, ни конфет, ничего. Почти все, получив свои две пачки, вставали снова. Многие старались занимать еще чаще. Займут в конце, продвинутся человек на десять, скажут, что еще подойдут, и снова в конец – вторую очередь занимать. Потом еще. Другие с этой практикой боролись... В общем, все как всегда.

Я купила чай один раз, и задумалась, вставать ли снова. Я-то к чаю почти равнодушна, стараюсь ради тети Милы. Но от длинных очередей начала уже отвыкать. И привыкать снова очень в лом было. С другой стороны, две пачки – маловато...

Тут меня потрогали за рукав. Я обернулась. Какой-то седой пенсионер в шляпе подмигивал мне и мотал головой в сторону: дескать, давай отойдем. Я подумала, что он хочет предложить мне того же чаю, но в менее ограниченном количестве и за менее ограниченную цену и пошла за ним. Если бы хотел продать занятое им специально место в начале очереди, предложил бы сразу.

Отошли за угол. Подошли к скамейке. Пенсионер поставил на нее свою старую хозяйственную сумку и раскрыл ее.

Там были пачки чая. Но, вместо того, чтобы доставать их, этот тип снял шляпу и зачем-то закрыл ею чай.

Сначала я подумала, что он увидел поблизости какую-то опасность для своей торговли, и огляделась. Ничего подозрительного. Потом до меня дошло, что вместе со шляпой он снял седой парик и густые насупленные брови и остался совершенно лысым. Я чуть не упала, и он помог мне сесть на скамейку: это был Анисимов! Лысый, а не стриженный ежиком, и морщин на лице стало гораздо больше, но живой!

Когда схлынула первая сумасшедшая радость, я обиделась. Собственно, как я вдруг поняла, я, оказывается, обиделась на полковника еще раньше – когда он, человек, научивший меня выживать в любой ситуации, добровольно, пусть и оказавшись под очень сильным давлением, ушел из жизни. Это заставило меня усомниться в том, чему он меня учил.

Теперь этот мотив отпал, но появился другой.

– Я вас в гробу видела, полковник! – сказала я.

– Муляж, – отмахнулся он.

– В гробу я вас видела, полковник, – переформулировала я и встала со скамейки, – в белых тапочках. И похоронила, между прочим.

– Сядь, Ринка, – сказал он жестко. – Так было надо.

Я села.

Он тоже сел и все мне рассказал.

Самоубийство Анисимова было грандиозной мистификацией, проделанной для защиты от бывшего начальства, кото-

рое осталось им в высшей степени недовольно. Точнее, недовольно не в высшей степени, а вплоть до высшей меры...

Он же только поменял имя и – совсем немного – внешность. Теперь он был полковник в отставке Нисимов. А я еще считала раньше, что полковник не склонен к юмору. Я-то не осмелилась бы взять такую фамилию. Все-таки она слишком смахивает на прежнюю. Назвалась бы Ивановой, как та моя знакомая, леди-детектив. А с другой стороны, фамилия, хоть и получена простым удалением первой буквы, скорее напоминает о Юкио Мисиме, чем о фамилии Анисимов, нет? Юкио Мисима – это тот скандальный японский писатель, который писал всякие гадости, а потом покончил с собой. Только он это сделал на самом деле. А впрочем, кто его знает. Может, живет и наслаждается скандальной славой. Только что это за наслаждение, когда он не может сказать, что слава-то его! Вот нам с полковником никакая слава не нужна. Она вредна для здоровья. Хотя, как телохранитель, я уже широко известна в узких кругах. Но об этом я, кажется, уже сказала? И это уже в новой профессии. Тут некоторая ограниченная определенными рамками слава даже полезна.

После первоначального восторга, обиды и снова восторга, в которые я впала, когда он нашел меня и все это рассказал, я и сама сообразила, что недаром мне казалось невероятным, как это человек, учивший меня выживать, мог добровольно уйти из жизни! Но это задним умом.

Не знаю, кому еще из «Сигмы», кроме меня, он оказал

честь таким доверием. «Вдове» и дочке точно не сказал. Предавший раз предаст снова. Но кого-то он еще определенно разыскал. И какое-то подобие структуры «Сигмы» ему удалось сохранить. Он верил, что она еще пригодится. Я – нет. Но поручения по старой дружбе иногда выполняю.

С другой стороны, он с тем же основанием делится со мной кое-какими сведениями, которые оказываются мне нужны для частной деятельности. Мне самой было бы их добыть невозможно, или это было бы настолько долго, что уже оказалось бы слишком поздно. Что практически тоже означает «невозможно».

—невозможно—невозможно—невозможно—

– Невозможно подумать, что такая погода случайна! – сердилась я.

На этот раз была моя очередь оказывать услугу. И, конечно, ливень тут как тут!

Мой “Фольксваген гольф” после очередных приключений был в ремонте. Ведя недавно купленную как раз на такие случаи неприметную «шестерку» мышинового цвета по срочному вызову экс-шефа, я старательно перевоплощалась в агента Багиру. Морально готовилась к не вполне законным, а может, и не вполне чистоплотным действиям для выполнения не вполне понятного задания во имя не вполне понятных целей – и все за вполне умеренные бабки. Дома я оста-

вила тетю Милу, как раз готовившую на обед что-то, судя по запаху, очень вкусное, и машинально старалась догадаться по запаху, что бы это такое могло быть. Это мне не мешало, потому что, хотя с тетей Милой я стала жить после ссоры с отцом, а она произошла, как вы понимаете, после того, как я ушла из органов, но и как Багире мне уже приходилось так же вот гадать, отправляясь за заданием.

Погода тоже скорее помогала вжиться в нужную роль. Машина, как катер, рассекала бурные потоки воды. Ехать до конспиративной квартиры было всего ничего – пару кварталов по улице с рабочим названием Пролетарская. В хорошую погоду я бы с удовольствием прошагала их пешком. Но во время таких поручений почему-то всегда льет, как из ведра. Как будто природа предостерегает. Я и рада бы внять этим предостережениям, но, увы, совсем не все то, что мне приходится делать, зависит от меня... Вот мои рабочие качества не зависят от настроения, и это хорошо, потому что, помогая превратиться в дикую кошку Багиру, эта отвратительная погода одновременно испортила мне настроение. Кошки не любят сырости.

Загнав машину по тротуару к самому подъезду, я вылезла из нее, раскрыв вначале над местом высадки зонтик. До козырька над подъездом оставалось два шага. Однако, несмотря на раскрытый зонтик и столь короткое расстояние, я все равно в качестве завершающего штриха получила изрядную порцию воды в кроссовки и на джинсы. Похоже, кто-то по-

пытался забраться куда-то по водосточной трубе слева от подъезда. Не знаю, куда, и не знаю, удалось ли, но теперь труба была отломана на высоте пяти метров, там, где огибала карниз, и ее уцелевшее колено изображало горный водопад, свысока орошая окружающую местность. А некоторые из орошаемых предметов например, край бетонного крыльца, были недовольны слишком большими размерами этой благотворительной помощи и щедро делились ей с каким попало окружением, например, с моими ногами. Бодрости духа мне это, естественно, не прибавило. Хотя, казалось бы, чепуха по сравнению с опасностями моей жизни. Но, как дополнение к ожиданию невеселого задания, это поведение погоды и трубы казалось особенно подлым и даже каким-то зловещим. Труба! Слово-то какое, тьфу.

Пока я мрачно снимала промокшую обувь, выливая из нее благотворительную помощь в унитаз, выкручивала и развешивала для просушки носки, покойник Анисимов, то есть, pardon, полковник Нисимов не торопил меня. И не сказал ни слова относительно того, что когда я, наконец, уселась в кресло перед его столом, то нагло закинула одну босую изящную ножку с закатанной до колена штаниной на другую, тоже с закатанной штаниной, но в тапке. Тапки были велики, потому один тапок я оставила на полу. Он только выразительно посмотрел на часы. Не тапок, а шеф. И я поняла, что задание будет необычным.

То, что он не смотрел на мою стройную, но мускулистую

ножку, было как раз нормально. Он всегда старался не замечать того, что я – привлекательная молодая женщина. И продолжал так себя вести даже и после того, как столь оригинальным образом скрылся от жены. Уж не знаю почему. Наверное, иначе ему было бы труднее давать мне опасные поручения? Но уж в вопросах удобства гостей – пусть, в каком-то смысле, все еще подчиненных – он всегда был на высоте. Стройность ножек он мог не видеть, но промокшую обувь не заметить не мог. В смысле, раньше всегда замечал. А теперь увидел только, что я долго возилась в прихожей. Так что и я вмиг забыла о таких глупостях, как вода в кроссовках. Слепота Нисимова обещала задание не просто необычное, это слабо сказано. Задание собиралось оказаться настолько поганым, что слушать надо было предельно внимательно, чтобы случайно не упустить шанс выжить!

– Должен тебе признаться, Ринка, – начал он, – я и сам ничего не понимаю.

Я от удивления чихнула, и БГ (так я про себя называла его, сокращая слова “бывший генерал”. Хотя на самом деле он бывший полковник, а генералом так и не стал. А по справедливости должен был стать!) опять взглянул на меня неодобрительно. Но это новое свидетельство его невнимания к моему состоянию меня уже не задело, и сильнее бояться предстоящего задания я не стала. Куда же больше! У меня уже и так мурашки бегали по спине. Он снова уткнулся глазами в стол, как будто на единственном чистом листке, лежащем

перед ним, было что-то написано и он читал это мне вслух. Так ему было легче сосредоточиться. Но прибегал он к этому способу очень редко. Только тогда, когда ни в коем случае нельзя было не только словами сказать что-то лишнее, но и интонацией или взглядом дать какую-то подсказку, намек, который позволит дополнить выданную им информацию до чего-то абсолютно секретного.

– Обычно я даю тебе конкретные задания: пойди туда-то и туда-то и принеси то-то и то-то, – продолжал он. – Сейчас тоже нужно сходить в определенное место. Но определено оно только географически. То есть, адрес имеется. Но что там находится, я не знаю. И цель посещения точно определить затрудняюсь. Поэтому мне придется отступить от обычных правил и дать тебе больше информации. Предысторию, так сказать. Чтобы ты могла сама там, на месте, разобраться и сообразить, что к чему.

Я еще раз чихнула, и удостоилась третьего неодобрительного взгляда.

– Началось все это давно, – стал он снова читать по пустой бумажке, – но трудно сказать определенно, что именно началось. Не вытаращивай глаза, сейчас поймешь. – Я моргнула и поспешно сделала равнодушное лицо. Смотрит-то он в бумажку, а сам за моим лицом, оказывается, наблюдает. Ну, это я и сама умею. Только я думала, что он в бумажку смотрит и для того, чтобы на меня не смотреть. Оказалось, нет.

– Задумано это было вроде бы как широкомасштабное

проникновение агентов нашего ГРУ в их ФБР, – наконец, перешел к делу БГ. – Для этого, однако, надлежало сначала допустить проникновение в ряды нашего ФСБ, а тогда еще КГБ, строго дозированного количества агентов их ЦРУ. Конечно, они должны были оставаться под колпаком. Естественно, не зная об этом. А уж с их подачи наши просачивались бы к ним.

Дело, казалось бы, хорошее.

Но кое-кому, имен называть не буду, уже тогда казалось, что от этой операции тянет нехорошим запашком. Тухлым таким. Подозревали они, что это вообще на самом деле была затея не нашей стороны, а наоборот, хитро поданная от них...

С течением времени эти подозрения не рассеялись, хотя, вроде бы, операция проходила успешно. Все шло по плану. Их агенты у нас, казалось, оставались под колпаком, наши у них под колпак, вроде, не попали...

Но не все концы сходились с концами.

Это можно было, в принципе, списать на неполную информированность подозревавших. Это ведь были не те люди, что планировали операцию. И не те, что ее проводили. Права независимого контроля – бывает и такая вещь – у них тоже не было. Операция задумывалась на самом верху. Задумывалась – если, конечно, ее туда не пропихнули.

Подозревающие не торопились списать не совсем сходящиеся концы на недостаток информации. Но и о своих по-

дозрениях наверх не докладывали. Это можно было сделать, только получив доказательства. Потому что, собственно говоря, официально даже и к информации об этой операции подозревающие не имели доступа... – Он увлекся и говорил теперь быстрее, хотя по-прежнему не отрывал взгляда от бумаги.

Мне стало зябко. Показалось, что в комнате потянуло спертым, сырым и смрадным воздухом склепа. Как будто сюда просочился тухлый запах подозрительной операции. Я опять чихнула, сняла босую ногу с колена и сунула ее в тапок. Теплее не стало. Мурашки по коже продолжали бегать. По полу дуло холодом и сыростью. Я встала и попыталась плотнее прикрыть дверь балкона. Сквозняк не уменьшился, дуло по-прежнему. БГ демонстративно замолчал и неодобрительно взирал на мои манипуляции. Как только я, смирившись, вновь уселась в кресло, постепенно, но неумолимо все больше превращавшееся для меня в зубоврачебное, или даже пыточное, он продолжал:

– Когда наш отдел отправили в стратегический резерв (так он предпочитает называть тот пинок под зад, которым нас наградили за старательную службу), так же поступили и с соседним отделом. Раньше мне всегда казалось, что они занимаются какой-то ерундой, притом несуществующей ерундой. Но теперь и наша деятельность стала, можно сказать, призрачной. – Он невесело засмеялся.

– Я обратил внимание на то, что они тоже, лишившись и

крыши, и финансирования, сохранили некое подобие структуры. Это вызвало мое уважение. Я стал иногда подкидывать им информацию, если попадалось что-то по их части – помнишь дело тех доморощенных сатанистов, что собирались в полнолуние на Молочной поляне в лесу на горе над Тарасовым?

Еще бы я о нем не помнила, а вот ты, начальник, мне о нем напомнил зря, подумала я, впрочем, не забывая послушно кивать. Мне тогда только чудом, или в результате невероятного везения, что, наверное, одно и то же, удалось спастись от роли жертвенного агнца. Уже и на алтаре растянули, и одежду, гады, разрезали, и нацарапали какие-то линии... Постарались, резали на совесть, чтобы кровь текла, шрамы до сих пор можно заметить, если специально не маскировать... А при моей профессии... ну хорошо, при моей прошлой профессии... да и будущей профессии тоже... запоминающиеся шрамы – не самое удобное, пусть и в таких местах, которые видны или нащупываются только в особых обстоятельствах... Линии нарисовали, наверное, чтобы целиться было удобнее, когда убивать. И уже их главный, как же его должность-то называлась? – бесовместитель, вот! Не бе-совместитель, а бесо-вместитель, надо понимать... Так он уже замахивался на меня... И не ножом даже, а какой-то заковыристой гадостью, из которой торчала наискось срезанная трубка... Не иначе, кровь выпить собирался... Хотя зачем такая толстая трубка для крови, да и кровавые знаки он

в основном почему-то на моем животе рисовал. Уж не кишки ли вытягивать собирался? Или, наоборот, чем-то накачивать? Мне совсем не хотелось выяснять это на собственном опыте. Так что от бессильной злобы и страха все в животе, на который он нацелился, скручивалось, и сердце останавливалось. Хорошо, наконец-то, яд сработал, и началась паника, которую я сумела использовать. Кляпом-то они мне рот не заткнули... А яду этот бесовместитель удивительно долго сопротивлялся. Я его еще когда он участвовал в моем призывании к алтарю отравленной иглой кольнула.

Но это бы еще ладно, все-таки мне-то удалось выбраться тогда. А вот моей знакомой Саше и ее мужу Толику, с которыми я так любила ездить на Голву, не удалось. Их убили раньше. Для главного алтаря сочли недостойными и зарезали без всяких изысканных трубок на менее важных алтариках. Профессионально Саша и Толик со мной никак не были связаны, сатанистам попались по моей глупости, и я себе этого простить никогда не смогу. И то, что сатанистов удалось выловить и надолго посадить всех до последнего (выловить – кроме тех, кого в порядке самозащиты пришлось пристукнуть, и посадить – кроме тех, кому дали вышку – тогда она ещё была), от чувства вины избавить меня не может. Отчасти из-за этой истории мне и хотелось сменить профессию с телохранителя на детектива. Чтобы иметь больше возможностей влиять на события. Не только стрелять и руками махать, но и мозгами шевелить.

От предстоящего задания меня все больше охватывали странный ужас и непонятное омерзение, но я ухитрялась не подавать виду. Впрочем, теперь БГ на меня, кажется, и правда предпочитал не смотреть. Уставился в свой листок, как будто решил в нем дыру взглядом прожечь.

– Недавно я дождался от них ответной услуги: получил информацию по тем подозрениям, о которых тебе рассказываю. Хотя соседям об этих подозрениях – и вообще обо всей ситуации – ничего никогда не сообщал. Но у них, значит, есть свои источники. Как они сказали, какие-то планеты сошлись и какие-то флюиды всплыли и просочились, что-то где-то рухнуло, а что-то другое, наоборот, в рост пошло – тут я, признаться, не вник, – на лице Нисимова изобразилось отвращение. – Короче, Ринка, чтобы получить полную информацию по тем подозрениям, тебе надлежит пойти по определенному адресу. Между прочим, суть дела они описали точно, без всяких звезд, планет, флюидов и флогистонов, столпов веры и врат ада. Вот так.

Он поежился, как бы в недоумении от того, что сам же сейчас произнес, но упрямо поставил точку: оторвал глаза от своей виртуальной шпаргалки и посмотрел мне в глаза. Я испугалась еще больше: у него были панические глаза тонущего.

– А меня они откуда знают? – осипшим голосом осведомилась я. Мне было очень холодно.

– Не то что бы знают, просто никто больше не подходит

под описание требуемого порученца. Это должна быть “молодая воительница с волосами цвета пламени и глазами цвета травы”. У меня больше таких нет, да и вообще молодых воительниц дефицит. Так что – точно ты, больше некому. А на дело ты должна отправляться, “храня руки чистыми, сердце горячим, а голову холодной”. Иначе тебя ждут “тени городских кошмаров”. Они захотят тебя “своим маревом спеленать и на дне своем упокоить”. Ну, это наши обычные требования, ты им всегда соответствуешь, так что я за тебя не беспокоюсь, – бодро закончил он.

Ой, хитришь, “шеф”, подумала я. И насчет совпадения кто бы говорил. Особенно насчет чистых рук. Тебе ли не знать... И что не беспокоишься, тоже уж лучше бы молчал бы. Глаза-то опять в бумажку свою пустую уткнул.

– Короче, вот тебе адрес, – неожиданно БГ перевернул бумажку и подал ее мне. Я чуть не уронила ее. – Это в конце Покорского тракта, ну, проспекта Зодчих, новые кварталы. Езжай, посмотри там, что к чему, на рожон не лезь, привези информацию... Или нет, не надо.

Я от робкой надежды аж дышать перестала. Раздумал меня посылать, что ли?!

– Лучше тебе не появляться тут больше, это слишком опасно, – безжалостно продолжал он. – Пусть даже там все пройдет нормально, ты сюда не возвращайся, а позвони по номеру: дата твоего настоящего дня рождения задом наперед. Скажешь: “папа поправился”, если подозрения подтвер-

дились. Если операция чистая, скажешь “отец чертыхается”. Если разобраться не удалось, скажешь “родитель наш упрямится”. Поняла?

Я молча кивнула. Не была уверена, что голос меня послушается. Меня опять трясло. Голова была пустая, и в ней свистел осенний ветер.

– Вне зависимости от результата, вот твой гонорар, – тут он полез в карман и выложил на стол пять пачек стобаксовых бумажек.

Я машинально пересчитала одну пачку. Сто бумажек. Могла и не считать: она была стандартная, в банковской упаковке. Значит, тут пятьдесят тысяч. Столько мне и от “новых русских” очень нечасто перепало, а уж о заданиях БГ и говорить нечего.

Это было уже третье отличие от обычных его заданий. Сначала необычно много информации. И, как я чувствовала, очень вредной для жизни информации. Как говорится, много будешь знать, скоро состаришься. А надо бы наоборот: много будешь знать, не успеешь состариться. Потом полная неконкретность задания. Пускай пойти надо туда – знаю куда, зато в нем имелось типичное принеси то – не знаю что. И теперь эта огромная сумма, как будто только на подержать ненадолго. Минздрав в моей душе предупреждал меня со страшной силой – прямо-таки в пожарный колокол колотил. Но я, как загипнотизированная, механически убрала деньги в сумочку и пошла натягивать мокрые носки и кроссовки.

ки. Они неожиданно оказались сухими и даже теплыми, как будто я провела здесь много часов. Меня опять стало трясти, как будто они были полны ледяной болотной жижи. Но трести как-то так, что снаружи ничего не было заметно.

Когда я уже практически стояла в дверях, бывший шеф увеличил число отличий от обычных заданий с трех до четырех. Он обнял меня и поцеловал. В губы.

Может быть, я и мечтала об этом время от времени, но теперь не могла ему ответить. Все силы уходили на то, чтобы он не заметил моей дрожи. Меня пронзило ощущение, что мы больше с ним никогда не увидимся. И что он почувствует то же самое. Но я упрямо сопротивлялась депрессии. По крайней мере, внешне. Внутренне она давно мной овладела. Однако я бодро поскакала вниз по лестнице. Надеюсь, моя спина имела выражение презрения к року и неповиновения судьбе.

Глава 2. Ну кто так строит?!

Теперь, после ада гаражей, у меня нет и тени той, хотя бы внешней уверенности в своих силах, с которой я приступала к заданию. Да и без гаражей, о которых я пока вспоминать не в состоянии, ибо вырвалась из них чудом... И даже притом, что чудом, еще и чудовищно дорогой ценой... И без гаражей здешние дворы могут дать сто очков вперед любому лабиринту. А также лесному болоту, где заблудился несчастный Сусанин со своими поляками. Там было, наверное, темно и холодно. У меня же светит солнце, отражаемое слепыми стеклами огромных домов вокруг, а мне все равно кажется, что я в сыром склепе, в смертельном лабиринте под египетской пирамидой, и вот-вот появятся отвратительные ожившие мумии. День кончается, день кончается, настойчиво крутится в голове, а я все там же, и готова лечь и сдохнуть от такой жизни... Я-то думала, что отлично тренирована, а чувствую себя так, как будто не день брожу по этим дворам, а всю свою жизнь. Две своих жизни. Четыре жизни. Восемь.

Ну вот, очередной двор опять точно такой же, как предыдущий! Правая сторона квадрата точно так же в верхней части освещена неярким красноватым светом клонящегося к закату умирающего солнца. Разве что чуть меньшая часть дома и чуть более красным светом. В плитке, пошедшей на облицовку стен, вкраплены кусочки слюды или стекляшки.

Но, освещенные красным светом, они почему-то не напоминают об искрах веселого костра, праздничного салюта или еще о чем-нибудь приятном. Замкнутость двора и мое отчаяние превращают их в склизкие, сырые и смертельно холодные стены камеры пожизненно заключенного с медленно стекающими каплями воды, освещенные коптящим факелом. Мои ноги встали и отказываются сделать вперед еще хотя бы один шаг. Завод кончился. Колени ослабли, как будто я в жизни никогда не делала сотнями приседания во время утренней зарядки. Нервы ни к черту, думаю я. Наверное, приближение вечера дошло до подсознания. И оно чувствует, что уж если среди бела дня тут творится такое... то ночи мне точно не пережить!

Та-ак, я так и думала. Из этого квадрата тоже нет арки налево, в нужную мне сторону. На подгибающихся ногах тащусь к арке в дальней стороне квадрата домов. Авось в следующем дворе больше повезет.

Квадрат гаражей в центре двора огибаю. И стараюсь держаться от него подальше. С ними у меня связаны столь жуткие и отвратительные воспоминания, что я скорее в поисках выхода попытаюсь лбом пробить стены дома, чем еще раз сунусь туда. Как, впрочем, и в башню-шестнадцатиэтажку, зловеще возвышавшуюся в некоторых дворах в центре двора...

В таких дворах, кстати, небо немного выше. А то они тут небо какое-то завели, однотонно серое, как будто и не небо

вовсе, а потолок пещеры, лежащий прямо на крышах домов. Ужасное небо. Оно еще потому ужасное, что теней никаких нет, и все кажется каким-то нематериальным. Как в кошмарном сне. А впрочем, пожалуйста, пусть будет нематериальным, зато не укусит, храбрюсь я, а у самой поджилки трясутся так, что, кажется, железная дверь ближайшего подъезда сейчас тоже затрясется и залязгает.

Однако мозг, хотя и сжимаемый смертельным ужасом, пока еще работает. Я подметила закономерность: три двора подряд не имеют выхода в направлении проспекта Зодчих, куда я стремлюсь всей душой, потом в одном дворе выход в этом направлении есть. Но за ним опять двор, где в прежнем направлении не пройти. Есть арки только влево и вправо. И это опять первый двор в новой цепочке из трех, где со стороны проспекта Зодчих – стена. То бишь дом.

Что же это за архитектура за такая?! (На самом деле подсознательно я понимаю, что это за архитектура, но старательно прячу от себя за возмущением ужасный ответ, и пока мне это удастся, хотя все хуже и хуже). В таких огромных девятиэтажках, стоящих квадратом, обычно (не обычно, а всегда, злобно поправляет подсознание) бывают не только арки во всех четырех сторонах квадрата, но и проходы по углам. Дома все-таки не соединяются в один-единственный квадрат. Хотя бы в двух углах проходы, если дома уголком. А здесь вот соединяются! Да еще арки не в каждой стороне этого квадрата! Это уже не квадрат Малевича, это уже решетка

какая-то! Ну кто так строит?!

Меня неожиданно посещает кошмарная мысль. Как ни медленно я приближаюсь к проспекту, до него не должно быть дальше, чем пять-шесть дворов. Я же видела это с крыши башни – одноподъездной шестнадцатизэтажки, заменившей в центре одного из дворов мерзкие гаражи. Впрочем, и та башня, помнится, нагнала на меня страху. Я даже маршрут выбрала отчасти для того, чтобы больше к таким не подходить. Что не спасло меня от попадания в еще более опасные ловушки. Вроде гаражей. Смертельные. Хотя и не для меня, я-то выкрутилась. Или нет?!.. Но об этом не сейчас, нет, не надо, не хочу, нет! Лучше уж об этой новой кошмарной мысли. Тем более, я не помню, что было раньше, башня или гаражи? Если башня, какой леший потащил меня в гаражи? (Будто не знаешь, хихикает пакостный внутренний голос. Не леший, а ведьма!) А если гаражи, так ведь я туда влезла от отчаяния, когда разведка с башни не помогла, разве нет? И ощущение времени не помогает. Как будто это могло быть одновременно. Чушь. Ладно, потом соображу, а теперь надо сосредоточиться.

Пять-шесть дворов, так? А ведь я продвинулась, мне казалось, гораздо больше! Но! Кто сказал, что эта чудовищная квадратная решетка, составленная из домов, из одной сумасшедшей непрерывной девятиэтажки, параллельна проспекту Зодчих? А вдруг тот угол, под которым я продвигаюсь через эту решетку: один двор в выбранном направлении, четы-

ре – поперек этого направления – и есть тот угол, под которым решетка расположена к проспекту? (Тангенс угла равен одной трети, значит, угол между восемнадцатью и девятнадцатью градусами, автоматически прикинула я). То есть никуда я не приближаюсь, а иду-ковыляю параллельно. Вот и шум проспекта, который, вроде бы, доносился до меня все это время сквозь дома, совершенно не приблизился...

Стоп! А почему я, собственно, везде, где нет арки к проспекту, сворачиваю направо, на север? Чтобы выйти из города, что ли? С одной стороны, там действительно не так далеко граница Тарасова, а проспект Зодчих превращается в Покорский тракт и идет на Сызрань. То есть это раньше граница города проходила недалеко, как мне помнится. Но я же не знаю всей этой новой застройки – а вдруг она туда успела распространиться черт ее знает на какие пространства? Кроме того, когда я с опозданием представила, как из этих пустых дворов выхожу в пустое чистое поле, меня обдало волной ужаса. Нет, туда я не хочу! Хорошо, вовремя сообразила. Мало ли кто меня там встретит, на безлюдном просторе.

Решено, иду по-прежнему к проспекту, но теперь где нельзя к проспекту – сворачиваю влево, к югу. Там центр Ульяновского района и это подавляющее волю творение мегаломаньяка должно перейти в нормальную городскую застройку. И там люди. Люди, я надеюсь, что вы там есть! Я вас люблю! Я иду к вам!

Кроме того, раньше, судя по шуму проспекта, который

оставался все время на том же расстоянии, я не приближалась к проспекту. Значит, теперь я буду приближаться к нему под удвоенным углом: где-то градусов тридцать шесть – тридцать восемь. Не девяносто, конечно, но уже не так далеко до сорока пяти! Ура!

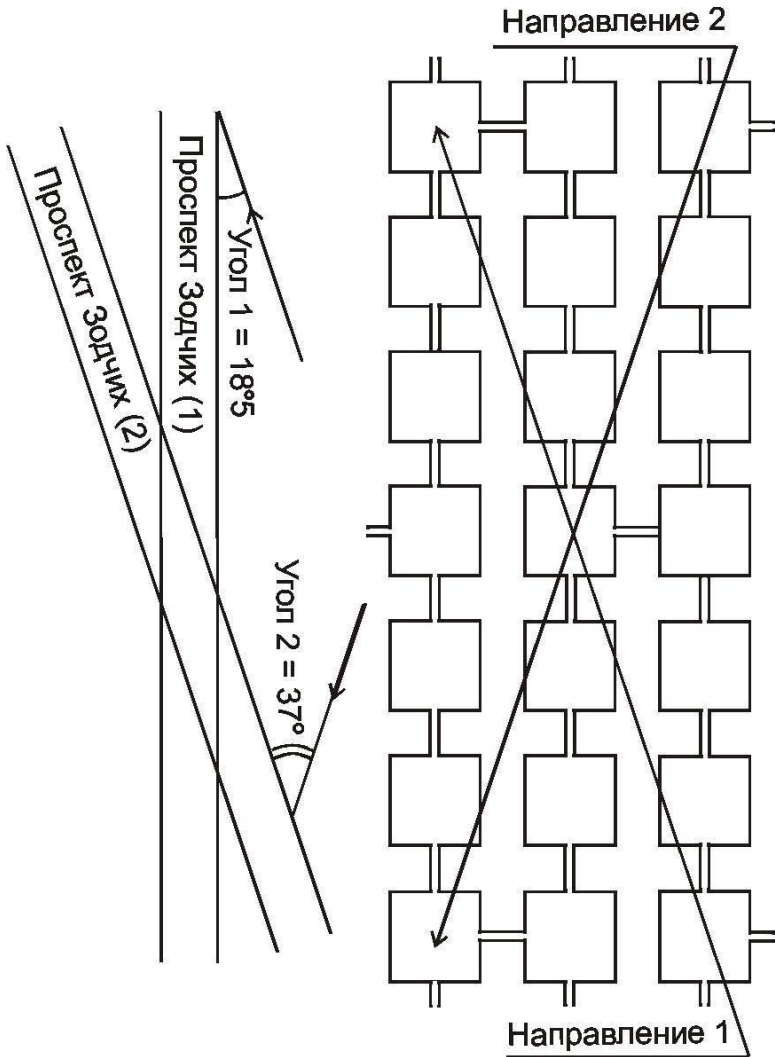
И я начинаю усердно выполнять новый план. Заранее понимая в глубине души, что ничего не выйдет. Отгоняя от себя мысль, что... Отгоняя... Голова кружится от жары, язык от жажды распух и, казалось, скоро не будет помещаться во рту... Поворачивая, где можно, к проспекту, где нельзя – к центру города... Кроссовки весят по шестнадцать тонн, их скрежет по асфальту заглушает шум проспекта... Трудно сохранять равновесие. Меня шатает. Шум проспекта, кажется, стал чуть громче... Но хватит ли сил до него доползти, когда я упаду?..

Казалось, это только казалось, что проспект приблизился, поняла я через некоторое время. Довольно долгое время, в течение которого мне удавалось себя обманывать. Тангенсы – тангенсами, углы – углами, а марево теней города – или как там его – само по себе! Так же, как эта дикая архитектура, так же, как эти ненормально пустые дворы...

...Впрочем, мелькает еще иногда в углу двора лавочка с черноволосым парнем на ней. В таком дворе я тащусь по другой стороне квадрата. Этот эпизод окончен. Больше я на Якуро не клюну. Если даже это он, он меня отсюда не выведет, а никаких больше чувств, кроме желания выйти, у меня не

осталось...

...Так же как эти уже поломанные телефоны-автоматы среди еще незаселенных домов. Все это – часть заклѣтия лабиринта, заклѣтия, наложенного на меня сумасшедшей ведьмой, которую я встретила по указанному мне адресу. Но кто мог знать?

Врешь, сказала я себе, тебя предупреждали, а ты, идиот-ка...

Глава 3. Ведьма

Та моя тарасовская знакомая, примеру которой я думаю последовать, Таня Иванова, частный детектив, в сомнительных случаях пользуется гадательным приспособлением, состоящим из костей и книги И-Цзин, древней китайской Книги перемен, в которой она смотрит толкование того, что выпало на костях. Для меня это слишком громоздко. Я к ее профессии примеряюсь потихоньку, но методику ее сократила, исключив кости. Я просто формулирую вопрос, а потом задумываю произвольный номер страницы и номер строчки – старый добрый способ гадать по книге – и смотрю, что на этом месте в книге И-Цзин. Она у меня карманного формата.

Когда я позвонила в дверь по указанному адресу, а там никто не откликнулся и дверь мне не открыл, я достала Книгу перемен. («Чтоб тебе пришлось жить во времена перемен», – ругались древние китайцы). Потому что чувствовала, что лезть без спросу в квартиру не следует, ведь недаром было сказано про чистые руки. Но, с другой стороны, просто стоять на лестнице и ждать тоже не хотелось. Кто знает, сколько придется тут простоять-то? А что там, внутри, мне было почему-то дико интересно.

Книга выразилась именно в том смысле, что и подождешь, небось, ноги не отвалятся!

Тогда я спросила, что будет, если я все-таки ждать не за-

хочу. Можно ведь всегда сказать, что было не заперто, покричала, никто не ответил, решила, что надо проверить, не нужна ли помощь...

Книга ответила, что меня предупреждали, что будет плохо, и что тогда, возможно, ноги таки отвалятся, а так – дело мое.

Вот именно, это мое дело, решила я, и стала применять свои таланты взломщицы. Достала отмычки... Странно, замочная скважина есть, а механизм замка, похоже, вынут! Отмычка, всунутая внутрь, ничего не цепляет, только тычется в стенки пустого пространства внутри двери... А почему же дверь не открывается, когда я ее толкаю?.. Закрыта на задвижку? Но разве это можно сделать снаружи? А если внутри кто-то есть, почему они притворяются, что их нет? В такой ситуации я ведь могу испугаться, решить, что жильцам плохо, нужна срочная медицинская помощь, впору дверь сломать...

Я примерилась было врезать по двери ногой. Наметила, куда бить, чуть ниже фальшивого замка, где должна, как мне казалось, находиться задвижка. Но не успела даже отвести ногу для удара. Дверь скрипнула и чуть-чуть приоткрылась. Это мне совсем не понравилось.

Я слегка толкнула дверь, готовая отскочить при малейшей угрозе. Дверь послушно распахнулась. За ней никого не было. Успели удрать внутрь квартиры? Так бесшумно? Или тут притаились?

Я вошла, настороженно озираясь. Ой, куда я лезу, в панике подумала я. Но остановиться было уже выше моих сил.

Обошла квартиру. Пусто.

Пока обходила, забыла о странном поведении двери. Разум от любопытства отшибло! Нет, зря БГ мне так много рассказал, зря...

Квартирка была уж очень странная и очень интересная: вся увешана какими-то сушащимися корешками и травами, многие сильно пахнут, причем некоторые – совсем незнакомо, а некоторые – вроде знакомо, но никак не вспомнить.

Почему-то прабабушка вспомнилась... Меня в трехлетнем возрасте возили ее навещать... Куда-то в деревню надо было ехать, да потом еще в лес идти... Тоже, что ли, разные травы сушила? Мне стало совсем не по себе. Я подумала, что, пожалуй, все-таки книга точно была права: зря я сюда влезла без приглашения. Похоже, тут живет натуральная колдунья. Непонятно только, при чем тут интересующие БГ шпионские игры?

Ладно, напоследок загляну в ванную и выметаюсь. В ванне обнаружился живой крокодил. Или он все-такидохлый? Я стояла и тупо смотрела на крокодила, пытаюсь зачем-то определить, дышит ли он, когда услышала, что входная дверь открывается. Пришла хозяйка. Не так уж долго бы и ждать-то пришлось, как оказалось. Права была книга, ноги бы не отвалились. Любопытство сгубило кошку, как говорят англичане.

Описать хозяйку очень легко. Я увидела классическую ведьму, худую и сгорбленную. Личико у нее было маленькое и морщинистое, кожа между морщинами блестела, как чешуйки ее крокодила. Нос был крючковатый, почти смыкающийся с торчащим подбородком. На кончике носа сидела бородавка, из которой торчало несколько жестких волосков. Почему-то они торчали не вперед, а вправо и влево, как усы у крысы или кота. Черного кота при ней не было, и я подумала, что бородавка его заменяет.

Я не очень часто бывала в такой ситуации, когда хозяин квартиры появляется во время несанкционированного проникновения в его дом, его крепость. Но все-таки несколько раз приходилось. Тут главное – чтобы хозяин не испугался. Или не очень испугался. Тогда с ним можно поговорить, что-нибудь наврать, соорудить глазки и вообще.

Хозяйка меня не испугалась совсем, и это было хорошо. Но взирала на меня неодобрительно.

– Извините, – хотела сказать я. – Там у вас дверь была не заперта, а никто не отзывался, так я зашла посмотреть, не нужна ли помощь... – Но сказала почему-то совсем другое. – Ой! – сказала я. – Это живой крокодил тут у вас в ванне живет?

Хозяйка моргнула безресничными веками, как черепаха.

– Конечно, живой, – одобрительно отозвалась она, – раз живет, значит, живой, а хотя, голубушка, права ты, а я глупость сказала, не всегда оно так, что живет, значит живой,

но этот – живой, да. А ты что думала, должно чучело под потолком висеть? А ты как вошла и зачем пришла?

Тут бы мне и выложить все как есть. Дескать, извините, бес попутал. Привычка такая у нас, у эфэсбешников. Даже бывших, если удобный случай подворачивается. Перед разговором с человеком рекогносцировку провести. Разведать, как он живет, чем дышит, вдруг какой компромат попадет-ся. Легче будет разговаривать, ты мне, дескать, то, что мне нужно – а я о тебе молчок...

Или хоть так: извините, никак не смогла ждать, прямо как подталкивало что-то, очень интересно было...

Но я не догадалась ни до того, ни до другого, и выложила свою заготовку насчет незапертой двери. А ведь видела, что не то говорю, что зря...

Ведьма поджала свои и так почти отсутствующие губы, нехорошо прищурилась. Из глаз ее повеяло холодом. Поскольку ресниц у ведьмы почти не было, и с этим прищуром она стала еще больше напоминать какое-то пресмыкающееся.

– Не верю! – сказала она.

Если бы она просто сказала, врешь, дескать, или вообще какими-то другими словами выразилась, а не этим своим «не верю»! А тут я подумала: тоже мне, Станиславский выискался. И меня понесло.

– Что ж вы думаете, я дверь вашу вскрывала? – нагло спросила я.

– А то нет? – почти ласково отозвалась она.

– А доказательства? – обиделась я. И в самом деле, дверь-то сама открылась! Мало ли что я по ней вдарить собиралась? Она что, живая, чтобы пугаться?..

– А на что они мне, твои доказательства?

– Милиции предъявить.

– А на что она мне, твоя милиция?

Тут я совсем обиделась. Моя милиция, надо же!

– Ну, тогда я пойду, – сказала я, впрочем, не трогаясь пока с места, но понимая, что задание я провалила. Так ведь никто же не сказал мне, что надо именно расспрашивать эту ведьму о чем-то! Пойди, дескать, разузнай... Разузнала!

– А вот уж нет, не пойдешь! – неожиданно сказала ведьма, продолжая окатывать меня холодной волной своего взгляда из-под почти зарытых век. Как гипнотизирующая змея.

Тогда я молча прошла мимо нее (она посторонилась, пропуская меня в дверях ванной) и, не оглядываясь, направилась к выходу. На крокодиле своем тренируйся, подумала я. Кто кого перегипнотизирует. Он тебе, похоже, уже дал установку.

– Заклятье лабиринта наложу я на тебя, – сказала она мне в спину. Я остановилась и обернулась.

– Давай, накладывай, я подожду, – сказала я. Нет, ну какого дьявола я все это делала? Чувствовала, что надвигается что-то непредставимо ужасное, а вела себя так, как будто мне все нипочем. Как Пандора со своей шкатулкой: знаю,

что открывать нельзя, страшная беда будет, а любопытство подталкивает: как же это, так и не узнать? Вот и открыла!

– Да ты иди, иди, – отозвалась она, – перебирай ножками своими длинными, бесстыдными, иди, да далеко ли уйдешь, иди да сворачивай, иди да сворачивай, обобьешь ножки свои резвые – ко мне на коленках приползешь, каяться будешь... Не выведут тебя резвые ноги, не выведет тебя вешнее сердце, не выведет умная голова... А быть им, ножкам твоим нежным (я хихикнула: я пяткой разбиваю три кирпича), битым и резаным, жженым и кусаным, распятым и расплющенным... А быть ему, капризному твоему сердцу, сокрушену виной и досадой, любовью и ненавистью, войной и миром, пустотой и полнотой... Быть ей, упрямой твоей голове, задымленной и одурманенной, обкруженной и обманутой, побитой и потасканной... А и всей тебе на помойке быть! (Я опять хихикнула). В отбросы влезешь, с ними повстречаешься себе на беду. Ополчатся на тебя худшие среди плодов рода человеческого, и худшие среди плодов рашения его, и худшие среди плодов строения его... Опутают тебя вервьями рук своих, обволокут тебя терниями и волокнами оболочек своих, окружат квадратами камней своих... Поразят тебя в ямах своих, и на высотах своих, и на равнинах своих... С отбросами встретишься, с ними перемешаешься, в них превратишься!

Я перевела слово «отбросы» как «мусор», подумала, что речь идет, наверное, о встрече с «моей» милицией и хихикнула в третий раз. Видя мой показной скептицизм, старуха

совсем распалилась.

– Будут они тебя, отбросы эти, – она заговорила медленно и зловеще, – и жизни светлой лишать, пока... – она задумалась, и я снова хихикнула, хотя по спине у меня уже мурашки забегали, очень уж у нее убедительно выходило. – Пока восемь жизней не отнимут, – решила она.

– Ну что, все? – спросила я.

– А если встретить тебе придется брильянт в навозной куче, добра молодца среди нелюдей, то он из-за тебя лютую смерть примет! Теперь все, хватит с тебя.

Я прикрыла дверь – внутри, действительно, оказалась простая задвижка, и как старуха умудрилась закрыть ее снаружи, мне осталось непонятным – да вниз по лестнице и побрела...

–побрела–обрела–брела–

...Так и бреду. Дура я, дура, и бродить мне по этим дворам, пока коньки не отброшу, ласты не склею, кеды в угол не поставлю, копыта не откину, короче, пока дуба не дам от голода, жажды и усталости. А не хочешь, идиотка, бродить – вон, в гаражи наведайся...

При мысли о гаражах меня тошнит. Но ноги двигаться быстрее не желают.

Глава 4. Кошмар на улице каштанов

После романтического приключения с Якуро, о котором лучше вспоминать не торопясь, с удовольствием, в приятной и безопасной обстановке, мне пришла в голову неудачная мысль. Я уже понимала: что-то неладно. Но все еще была слишком уверена в себе. Бродила, как во сне, который постепенно все более и более превращается в кошмар, и сама как будто стремилась туда, во все более кошмарные области, чтобы проснуться. И я туда попала, вот только проснуться не удалось! И не удастся до сих пор, и никогда не удастся...

Когда Якуро не смог меня вывести, я решила зайти в гаражи. Думала я при этом вот что. Пусть во дворе ни души, в гаражах всегда кто-то копошится. С машиной возится. А машины у многих на самом деле исправны, это они так, для собственного удовольствия с ними нянчатся. Нанять этого кого-то, пусть хоть до проспекта подбросит. Дальше я найду свою «шестерку», и дело в шляпе. То есть, дело-то я как раз завалила. Но сейчас это неважно, надо хоть отчитаться. А из этого странного бесконечного двора давно пора рвать когти. Что-то нехорошее в воздухе. И все сгущается и сгущается...

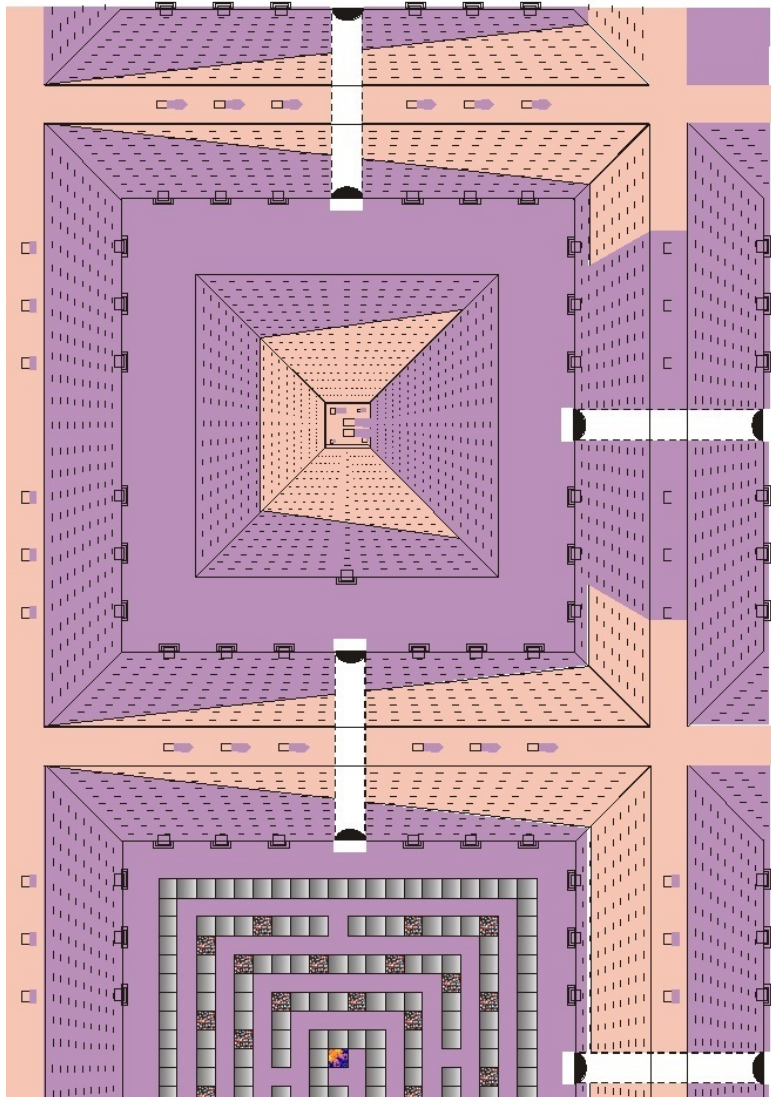
Гаражи оказались такими же зловещими, как и все здесь. Но сначала я этого не поняла.

Расположенные квадратом в середине двора, они тоже были построены в здешнем сумасшедшем стиле. А именно,

имели только один въезд. И вовсе не напротив арки двора, а как раз напротив сплошной стены дома. Проехать, впрочем, можно. Тем более – войти. Но недалеко, или, вернее, не сразу далеко.

Если один только въезд еще был логичным – легче охранять (впрочем, никакого охранника все равно не было, так что и эта логика не срабатывала; но – проектировщики могли думать, что он будет), то внутри-то зачем такие сложности для проезда? Квадрат гаражей оказался весь застроен в форме стен средневековой крепости. Если в наружной стене в каком-то месте ворота – в следующей стене в этом месте нет ворот, они есть только на другой стороне квадрата, чаще всего – на противоположной. В следующей стене, то бишь, в следующем, более внутреннем квадрате гаражей, опять же нет прохода напротив этого. Он напротив самого первого. Только добраться до него сразу нельзя. Для этого надо проехать или пройти весь периметр квадрата! Хочется сказать «и так далее». Ха! Все еще хуже! Если бы следующий проезд был на противоположной стороне квадрата всегда, можно было бы, по крайней мере, не задумываться, в какую сторону поворачивать: что направо, что налево – расстояние до следующего прохода одинаковое. Но в некоторых случаях следующий проход располагается у этих изобретательных гаражных архитекторов все-таки на смежной стороне квадрата. Этого не видно, потому что все равно за углом, но один из путей к проходу длиной в четверть периметра квадрата, а другой

– в три четверти. Причем, если пойти длинным путем, это обнаружится только на той стороне, когда возвращаться будет дальше, чем пройти дополнительную четверть квадрата к уже пройденной половине. Милый сюрприз. И зачем это все? Наверное, считается, что так труднее угнать машину? А что самим автовладельцам надо по этому фортификационному лабиринту километры накручивать при каждом въезде и каждом выезде – это нам ничего. Бешеной собаке семь верст не крюк. То бишь бешеному автолюбителю, свихнувшемуся на почве любви к своему автомобилю. И что жителям дома вдыхать все образующиеся при этом выхлопные газы, потому что куда же они денутся из такого закрытого двора, это тоже не важно.

Я так зримо представила себе сгущающиеся выхлопные газы, что начала задыхаться. Будто небо снизилось и легло на крыши гаражей. Притом, что из-за гаражей я спокойно могла видеть верхнюю половину окружающей девятиэтажки, мне стало казаться, что оно провисает над моей головой. Ничего себе! Никогда раньше мне не приходилось жаловаться на слишком большую чувствительность, и вот на тебе. Какие выхлопные газы, ведь я пока не увидела ни одной машины с работающим мотором. И вообще ни одной исправной машины. Если они тут и были, то скрывались в запертых гаражах. Снаружи попадались иногда проржавевшие остовы, напоминающие скелеты ящеров в музее, только гораздо более грязные. А я раньше думала, что таким в гаражах не место, и эти брошенные автомобильные трупы не понравились мне так же сильно, как помойка.

Потому что проезд между рядами гаражей напоминал именно помойку. Воздух и без всяких выхлопных газов можно было загонять в баллончики и продавать как инсектицид. Действующий, впрочем, больше на людей, чем на их верных членистоногих спутников. Не инсектецид, а гомоцид, для продажи тараканам. Асфальта под слоем мусора не было видно совсем. Разглядывать отдельные гниющие предметы не хотелось, я не Тарковский. То, что из-за недавнего дождя мусор был еще и мокрым, никак не улучшало его внешний вид и запах. Пахла помойка отвратительно. Точно гомоцид,

поняла я. Более гнусно воняющей помойки мне нюхать просто никогда не приходилось. Запах напоминал морг, который мне как раз иногда приходилось посещать по роду деятельности. К счастью, никогда – для опознания своих клиентов. Но сейчас это не имеет никакого значения. Наверное, крысы потравили и не стали вывозить мусор сдохлыми крысами – оставили на прокорм следующим их поколениям, решила я. Отвратительно, но все же не представляет опасности для жизни, во всяком случае, немедленной.

подавив позыв рвоты, и вновь подивившись своей так некстати обострившейся чувствительности, я поспешила сосредоточиться на своей цели. По мере того, как я продвигалась к центру этого нелепого и жуткого сооружения, я заметила в нем еще одну странность. Впрочем, ту же самую, что и во дворе. Не только в наружных рядах гаражей никто не захотел сегодня посетить своего железного друга. Все гаражи были закрыты и зловеще безмолвны.

Во мне крепло ощущение, что я вместе с этими домами и с этими гаражами выпала из общего времени. Весь город, все люди остались где-то там, в своем времени, и продолжают заниматься чем-то осмысленным. Или бессмысленным, неважно, но вместе. Мельтешить какими-то ритмичными трудовыми движениями. А в этом замкнутом и выпавшем из ритма города времени лабиринте осталась я одна.

Или произошла какая-то катастрофа. Сбросили нейтронную бомбу, разлили смертельный яд, выпустили боевых ви-

русов, а у меня был приступ кататонии (или каталепсии?) и я ничего не заметила. Может, я была без сознания долго, и люди вымерли безо всяких там больших катастроф, от обычного алкоголизма.

Правда, кто-то все-таки остался, потому что где-то в середине гаражей орал магнитофон, на звуки которого я и продвигалась. Хотя он вместо музыки издавал какие-то страдальческие кошачьи вопли и немзыкальный скрежет, бьющий по нервам, но ведь о вкусах не спорят, утешала я себя, постепенно приближаясь к центру этого вымершего лабиринта. Гаражи, казалось, следили за мной зрачками замочных скважин и готовились напасть.

Глупости! Нервы распустила, вот и мерещится. А что пусто, так этому можно найти и более рациональное объяснение, чем фокусы с пространством и временем. Просто весь этот массив домов – это новая застройка. И гаражи при ней. Только что построенный микрорайон (микро?!). Жильцы еще не заселились в квартиры и машин в гаражи не поставили. Ведьма, Якуро и те, кто слушает магнитофон (надеюсь, это не просто играющий посреди пустых гаражей магнитофон – чур меня, чур!) – исключения, которые всегда есть. Заселились по благу пораньше, все очень просто.

Я чувствовала, что на самом деле совсем не все так просто. Строителям обычно не под силу развести такую помойку. Они могут оставить битый кирпич, осколки стекла, разлить смолу, накидать клочья стекловаты и горелой резины,

со всем этим неприятно встретиться, но и только. Кто-то еще внес вклад в дело создания этого большого мусорного ящика. Да еще эти ржавые скелеты машин...

А вот и еще одна странность. Кроме фортификационных проездов в соседний ряд, в стройных рядах гаражей там и сям были еще и другие просветы. Располагались они как-то бессистемно. Чтобы загородить проезд, проемы между гаражами в этих местах были забраны невысокими, примерно метровыми, заборчиками из мелкой проволочной сетки. Каждый такой заборчик сдерживал расползание кучи чего-то зеленовато-коричневого и колючего. Оно было навалено огромной горой, выше гаражных крыш, и заполняло все пространство между гаражами и заборчиком, занимая целиком место гаража, почему-то отсутствующего в ряду.

Преодолевая неясное, но сильное отвращение, я осторожно подошла поближе к одной такой куче и увидела, что это – плоды каштанов. В основном, они были в своей колючей зеленой коже, среди них блестели голыми коричневыми боками немногие очищенные. И те, и другие – мокрые, скользкие и гадостные. Я отодвинулась. Казалось бы, не какой-нибудь вторичный продукт, но почему-то каштаны произвели на меня неприятное впечатление. Они были похожи на колючих зеленых жуков, или даже, скорее, пауков (я с содроганием разглядела, что металлическая сетка затянута там и сям еще и ключьями паутины) и копошащихся среди них огромных тараканов, внезапно погруженных в спячку, или притво-

ряющиеся спящими, чтобы обмануть мою бдительность. Но готовые в любой момент пробудиться по какому-то неведомому сигналу и напасть. Наброситься, навалиться всей своей многотонной массой, заползти под одежду, закусать, напиться ядом, ободрать всю кожу колючками, похоронить под собой и задушить.

Неожиданно среди безветрия закрутился пыльный смерч и побежал ко мне. Не добежав метров двух, он исчез. Точнее, исчезла, поглощенная мокрым мусором, пыль, которая непонятно откуда и взялась. Сам вихрь, уже невидимый, докрутился до меня и принес новую волну гнилостного запаха. Мне показалось, что каштаны всех массой еле заметно сдвинулись в ответ, и волосы на моей голове шевельнулись от страха.

Однако нет. Показалось. Я двинулась дальше.

Пока каштаны мирно (или зловеще) лежали себе там, где их навалили странные те, кто это сделал, я постепенно стала приближаться к источнику “музыки”. Вскоре я его увидела. Это оказалась рыжая, как я, иномарка. Рекламирывать марку машины не буду, я не Джеймс Бонд, но я такие машины люблю. Машина стояла в своем гараже и – о радость! – сдержанно пофыркивала мотором. Правда, и от этого звука, ранее заглушаемого магнитофоном, меня почему-то пробрал озноб.

Вокруг машины столпилось довольно много парней. Слишком много для одной машины. При моем приближе-

нии все они разом обернулись, и мне сразу захотелось, чтобы их было поменьше. Я как-то сразу вспомнила, что большинство приключений детектива Тани Ивановой, о которых она мне рассказывала, почему-то включали в себя зверское изнасилование. За которое она, правда, всегда удачно мстила... Я-то надеялась, что это не обязательная принадлежность ее профессии. По крайней мере, с моей подготовкой! А то, пожалуй, и не стоит мне переходить из телохранителей в детективы. Лучше я буду книги писать. О своей телохранительной работе. И о ее детективной могу...

Парням было от пятнадцати до двадцати пяти, но и самые молодые смотрели на меня как-то нехорошо. Как на вещь в магазине, с которой точно известно, что надо делать. Скучно это, надоело, но делать придется. Не то чтобы на меня так никогда не смотрели. Меня поразила одинаковость их реакции. Все сразу обернулись и все одинаково смотрят. У меня аж кожа на лице онемела от ощущения нависшей угрозы, но отступать было поздно.

– Привет! – сказала я, приближаясь.

Мне никто не ответил. Они только стали переглядываться между собой, потом вновь уставились на меня тусклыми взглядами.

– Если машина на ходу, не подкинете до ближайшего проспекта? – спросила я, делая вид, что не обращаю внимания на их странные манеры.

Парни враз заулыбались, не став, однако, симпатичнее.

– А как же! Конечно! С нашим удовольствием! Мигом! С ветерком! – загомонили они, гнусно хихикая, но притом расступаясь и жестами приглашая меня в гараж. Что-то мне в их хихиканье показалось знакомым. Уж не так ли я сама издевательски хихикала, когда старуха-ведьма меня заколдовывала?..

– Да вы бы уж машину, что ли, вывели сначала, – отказалась я, подчиняясь неясному опасению. Я же не знаю, сколько у них трупов навалено в смотровой яме, мелькнула странная мысль.

Да что это со мной? Я уже столько раз общалась с бандитами, и никогда так не боялась их. Бывало ведь и хуже, думала я. Приходилось общаться и с матерыми бандитами – куда этим, зелень!.. И с вооруженными – например, автоматами... и в гораздо более агрессивном настроении... И с бандитами под крылышком ФСБ, уверенными в своей безнаказанности в любом случае... Подумаешь!..

Не помогало. Я непрерывно твердила себе, что и не таких видывала, но мной почему-то все больше овладевал неконтролируемый ужас.

– Вон у вас, выхлопные газы весь гараж заполнили. – И если в яме были не совсем трупы, то теперь уж точно они, продолжило мое разыгравшееся воображение. Да что же это со мной такое, в конце-то концов?!

Парни поскучнели, разом замолчали и замотали головами. Или, дескать, так, или никак.

Я уже не могла сдержать панику, и только старалась не дать ей проявиться внешне. Эти, как волки: им только покажи, что боишься – кинутся и загрызут. Но это как раз обычно. А вот то, что они не сговариваясь все делают одинаково, будто управляемые невидимым кукловодом марионетки, внезапно поняла я, делает их похожими уже не на блатных, а на каких-то зомби!

– Ну, нет – так нет, – небрежно согласилась я, и, повернувшись к ним спиной, по которой немедленно поползли противные мурашки, пошла прочь, старательно переступая ослабшими ногами. Отворачиваясь, напоследок краем глаза поймала злорадные ухмылки на их лицах. Казалось, как я ни скрывала свой испуг, но они знали о нем и наслаждались. Эмпатические вампиры, питающиеся наводимым ими ужасом. И я буду счастлива, если только эмпатические и питаются только ужасом своих жертв. Я шла и прислушивалась, ожидая какой-нибудь пакости с их стороны.

Но дождалась я ее не сразу. Сначала мне даже, наоборот, показалось, что все в порядке. Вопреки нехорошим предчувствиям. Никто меня за плечо, за шею или за волосы хватать не стал, вслед не пошел, не выстрелил, кирпичом, гаечным ключом и даже гнилым помидором не запустил. Даже тихим и ласковым словом никто не выразился. Неожиданно обернувшись через несколько шагов, я убедилась, что все они опять сгрудились вокруг своей машины, замерли и с непонятным увлечением слушают вопли с магнитофона и поры-

кивание мотора, и испытала несказанное облегчение.

Паника отпустила. Но не совсем. Казалось, в животе до боли натянуты какие-то веревки, и сейчас удалось только немного ослабить натяжение. Мне не только казалось, что я спаслась от чудовищной, смертельной опасности, но и что спаслась я от нее не совсем, а только временно. Опасность отодвинулась, но не ушла, она словно играла со мной в кошки-мышки, наслаждаясь моими бесполезными попытками спастись.

Хотя никто за мной не шел, но бьющий по нервам инквизиторский концерт не спешил стихать сзади. Казалось, скрежет и вопли догоняют меня и специально лезут в уши, чтобы затуманить мысли, сбить с направления, запутать и привести обратно.

Как это ни невероятно, но так оно и случилось. Через некоторое время я обнаружила, что ухитрилась заплутать в этом, казалось бы, простейшем лабиринте. Чувство направления отказало, или пространство искривлялось незаметным образом, но мне все снова и снова в очередном проходе открывался вид на гараж с рыжей иномаркой и бандой зомби. В разных ракурсах, но всегда неподалеку. Это уже был настоящий кошмар, больше не притворяющийся реальностью.

Проходов, заваленных каштанами, тоже попадалось все больше. И горы отвратительных плодов громоздились в них все выше. Конечно, они колючие и хорошо сцепляются меж-

ду собой, но все равно непонятно, как такие башни – уже чуть ли не вдвое выше самих гаражей! – могут сдерживаться метровым заборчиком. Казалось, они всем своим зловещим видом говорят мне: “Не перелезешь, и не пытайся! Где тебе, побоишься!” Но я и впрямь старалась держаться от них, с их мокрыми шелестящими голосами, подальше.

–подальше–подальше–подальше–

Подальше сразу и от каштанов, и от зомбированной молодежи никак не получалось. Поэтому, вновь увидев через очередной проезд в другой ряд все ту же опасную компанию, причем неожиданно близко, я решила попробовать и такой путь. Отойдя с прямой видимости – к счастью, зомби не обратили на меня никакого внимания – я подошла к ближайшей отвратительной колючей башне, расположенной на желательном направлении, и попыталась влезть на нее, используя один из гаражей, как опору. Или наоборот, влезть на гараж, используя каштаны, это уж как получится.

Не получилось никак.

Я вспрыгнула на верхнюю планку заборчика, и до верха гаража, куда я стремилась, осталось метра три. Зачем им такие высокие гаражи? “КамАЗы” ставить? Я попыталась идти по каштанам, и неожиданно они, как и положено в дурном сне, с необыкновенной легкостью расступились подо мной, крутятся, как шарики подшипника. Ощущение было такое,

как будто я попыталась встать на кучу тополиного пуха. Я оказалась стоящей на земле за заборчиком, по пояс в каштанах. Их прикосновение, даже сквозь одежду, было настолько отвратительным, что я, не успев даже подумать, мгновенно выпрыгнула наружу. Это, к счастью, оказалось так же легко, как провалиться в них. Мне стало дурно от запоздалого страха, и я была вынуждена упереться рукой в стенку гаража, чтобы не упасть в ту мерзкую помойку, которая заменяла асфальт здешним автолюбителям.

Некоторое количество мерзких колючек выпало вместе со мной из-за загородки, подав мне новую идею. Слегка воодушевленная, я встряхнулась и утихомирила нервную дрожь. Спрятала правую руку в рукав и зажала изнутри его края в кулак. Таким образом, рука оказалась изолированной. Этой рукой я стала выгребать каштаны из-за загородки на дорогу, стараясь прокопать себе дорогу.

Но скоро мне пришлось оставить это занятие. Во-первых, вокруг меня образовался быстро растущий слой каштанов. Цепляясь друг за друга, они не хотели откатываться от меня далеко. Вскоре этот слой был мне уже по колено. Во-вторых, на высоте зеленой башни это почему-то совершенно не сказывалось, как будто у каштанов был свой источник, из которого они поступали по мере убыли в своих рядах. В-третьих, вся башня стала опасно вздрагивать и качаться, постепенно накрываясь в мою сторону. Совершенно очевидно, она собиралась разом рухнуть и завалить меня.

А почему бы мне не попробовать пройти насквозь, подумала я. Если уж в них так легко провалиться, каштаны вообще должны быть легким препятствием. Или сначала попробовать, как это ни противно, лечь на них, и заползти наверх?

Я попробовала. Это было хуже, чем ползти на ледяную стену, по которой течет вода. Случилось мне как-то лезть на почти вертикальный ледник в Алайских горах. Не Алтайских, а именно Алайских – это отроги Памира. Но это неважно; во всяком случае, я знаю, о чем говорю, по собственному опыту. Проклятые каштаны, временно забыли о том, что у них есть колючки. То есть, не совсем забыли, кололись они ими, как стальными иглами. Но колючки не мешали им злобно крутиться подо мной, как шарикам подшипника, а шариковый подшипник – это очень скользко.

Я попыталась, погружая руки и ноги в склизкую отвратительную массу, делать плавательные движения. С тем же успехом я могла попытаться всплыть вверх по водопаду. Я осталась где была – на земле.

Придется попробовать пройти насквозь, решила я, подавляя овладевающий мной ужас. Лучше бы я к нему прислушалась!

Да, будучи по колено, каштаны расступались передо мной легко, как пух. Но выше чем по пояс они вдруг стали оказывать серьезное сопротивление, как если идти по пояс в снегу. Дойдя до горла, они стали тяжелыми, как песок. Я в панике рванулась, но не смогла сделать вперед ни малейшего

движения. Хуже того, вдруг оказалось, что я и назад не могу продвинуться ни на миллиметр! И, что еще хуже – хотя, казалось бы, куда же хуже – потревоженные каштаны тихо, вкрадчиво и коварно поползли всей кучей ко мне и навалились всей массой. Все пятьдесят тонн зелени начали меня медленно душить. Так вот как, оказывается, погибают закопаные в землю по шею, поняла я. От удушья.

Я попыталась закричать, но смогла издать только бессильное сипение.

Хотя, казалось, на грудь навалили могильную плиту, мне все же удалось сделать слабый, неполный вдох. Воздух, попавший в легкие, имел вкус и запах гниения. Но это был воздух. Если можно дышать, хотя бы так, можно еще немного продержаться, подумала я. Однако оказалось, что воздух, попадающий в легкие – это еще не все. Мерзкие колючки пережали мне шейные артерии, и мозгу стало не хватать кислорода.

Мою голову заполонили предсмертные видения. Это было даже приятно. Я вновь переживала романтическое приключение с Якуро...

Глава 5. Замечательная обстановка!

Ведь я еще не ожидала ничего особо плохого, когда, раздосадованная провалом миссии, вылетела из старухинового подъезда. Да и погода, раньше вгонявшая меня в тоску, теперь разительным образом исправилась. Солнце светило всю, воздух постепенно прогревался, сентябрь делался похожим на летний месяц.

А старушка – ну, что ж тут поделаешь. Чудит старушка, ну и пусть чудит. Плохо, конечно, что ничего она мне не сказала насчет того тухлого дела. Но, если подумать, откуда ей что-нибудь по нему знать? Скорее всего, наши бывшие соседи просто напутали со своими пророчествами. Самое плохое тут то, что гонорар придется, скорее всего, вернуть. А я его уже припрятала в одной камере хранения – не возить же с собой пятьдесят тонн зелени! Вряд ли я отделаюсь просто сообщением по телефону, что «Родитель Наш Упрямится», то бишь – «Разобраться Не Удалось». Придется отчет написать. Тогда-то и выяснится, что я провалила задание исключительно по собственной глупости. Вот если бы я спросила старушку, о чем было велено, то убедилась бы, что она ничего не знает. Тогда можно было бы денежки оставить. Ну и ладно, верну гонорар, хоть и не хочется. В конце концов, на самом деле я этих денег не заработала.

Придя к этому решению и будучи очень довольна своей

честностью, я как раз в тот момент собиралась на автомате завернуть за угол дома. Машину я оставила не во дворе, а снаружи, на улице, чтобы не светиться у подъезда. Собиралась – да так и застыла, как вкопаная, посреди тротуара, обнаружив, что **НИКАКОГО ПОВОРОТА ЗА УГОЛ НЕТ!** Собственно, и самого угла нет! Точнее, угол есть, но повернуть за него нельзя. Вместо наружного угла дома передо мной оказался внутренний угол, образованный изгибом дома, или, если угодно, внутренний угол, образованный двумя перпендикулярно сходящимися девятиэтажками!

Солнце светило по-прежнему, но словно какая-то субстанция разлилась в воздухе, или стеклянная стена появилась и отняла у солнечных лучей тепло. Может, на самом солнце возникли какие-то невидимые пятна. В мире было что-то не так. Или это у меня в голове?

– А где же?... – ошеломленная, спросила я вслух, не будучи в силах внятно сформулировать свои претензии к реальности.

Молодой человек, которого я перед этим машинально зафиксировала краем глаза, но не обратила на него особого внимания, поспешно вскочил со скамейки у ближайшего подъезда и устремился ко мне. Как будто заранее знал, где сидеть. Вроде как мы с ним тут всегда встречаемся.

– Извините, могу ли я чем-нибудь помочь? – с сумасшедшей надеждой спросил он.

Я повернулась к нему.

Первое впечатление: может быть, я его раньше где-то видела? Нет, не может. Лицо смутно знакомое, но это дежавю. Потому что если я кого-то когда-то видела, я четко запоминаю, когда и в каких обстоятельствах это было. Значит, будем знакомиться.

Брюнет, лет двадцати, не очень высокий, но и не коротышка, стройный, широкоплечий и мускулистый, хорошо двигается... (Он чуть не подпрыгивал на месте от желания помочь). Не хотела бы я с ним подражаться, хотя я отлично тренирована... Свитер и джинсы не очень дорогие, но их цвета – черный с синим и темно-серый – подобраны со вкусом. Ну, кроссовки сейчас все носят... Подстрижен скорее консервативно, чем модно. Лицо приятное, хотя и грубоватое, мужественное такое... И, пожалуй, с легким уклоном в азиатскую сторону – темно-карие глаза со слегка японским разрезом. Один дед или одна бабка из Японии, Киргизии или Якутии, остальные европейцы... На лице простодушное и, я бы сказала, даже несколько придурковатое выражение – если не отнести его на счет обалдения от лицемерия моей, надо полагать, ослепительной персоны, что, конечно, приятно. Если не сыграно. А если сыграно, то сыграно великолепно. Но если так, то это настораживает. Значит, приятное впечатление мы проявим, а настороженность спрячем.

Завершив осмотр, я милостиво кивнула. Восторженное обалдение на лице молодого человека усилилось, хотя перед этим казалось, что оно предельно возможное и сильнее стать

никак не может.

– Да, можешь, – сказала я. – Не покажешь мне выход из вашего двора? Я оставила там, за домом, – я потыкала пальцем, – машину... Впрочем, неважно! Короче, мне надо выйти отсюда.

– Конечно, покажу! – радостно воскликнул молодой человек. Видимо, его восхищение мной было не такого свойства, чтобы рассчитывать, что я немедленно упаду в его объятия. Мое желание немедленно покинуть его двор не ввергло его в пучину отчаяния. – Вон там есть арка... – Он показал туда, откуда я шла. Я оглянулась вполоборота, стараясь не терять молодого человека из виду. На всякий случай.

Действительно, там, вдвое дальше старухиногo подъезда, была арка.

Мы пошли к ней. «Японец» сразу приспособился к моим шагам, как будто мы с ним учились в одном классе и с детства гуляли по улицам вдвоем.

– Как же это? – удивился он, когда, пройдя в арку, мы оказались вовсе не на улице, параллельной проспекту Зодчих, где меня ждала моя машина. Перед нами был такой же точно двор!

У меня появилось ощущение приближающейся опасности. А еще – нехорошее ощущение, что меня водят за нос. Но одного взгляда на изумленное и обиженное лицо моего спутника хватило мне, чтобы понять, что если тут кого и водят за нос, то, очевидно, его. Или, точнее, нас обоих. Потому

что его-то водят именно из-за того, что он попытался помочь мне. И я даже знала, кто именно водит.

– Извините, я, вообще-то, не местный, сюда и сам только что приехал, – поспешно стал оправдываться невольный Су-санин, очевидно, боясь, что я заподозрю его в том, в чем и впрямь на секунду заподозрила.

– А на чем приехал, – заинтересовалась я, – на каком-то общественном транспорте? Тогда как выйти к его остановке?

– Нет, – огорчился он, что не может хотя бы так помочь мне, – я, извините, на мебельном фургоне. Водитель нашел по адресу, мебель мне привез, а я и сам раньше здесь не был. Недавно, часа два назад. Я квартиру обставил, вышел подышать, а тут вы идете... – бедняга никак не мог перейти на «ты», потому что смущался, и оттого, что это было видно, смущался еще больше. А мне казалось, у японцев все наоборот, мужчина обращается к женщине на «ты», а она к нему – на «вы»... интересно, а в Якутии или Киргизии как? Можно ли на основании употребления лицом местоимений различного лица и рода установить, откуда это лицо родом? Наверное, можно, если ты диалектолог. А если ты простой, как сибирский валенок, телохранитель, то увы. Надо будет про это что-нибудь почитать на досуге. Во всяком случае, предлагать ему перейти на ты я не собиралась.

– А хотите на обстановку посмотреть?! – вдруг оживленно спросил он, давая мне повод заподозрить его в другом желании на мой счет и зная, что дает мне этот повод. – Ну, на

мебель у меня в квартире?.. Меня Якуро зовут, извините, – добавил он, спохватившись, поскольку я, не ожидая такого предложения, не знала теперь, как реагировать, и возникла пауза.

Потом меня осенило.

– А телефон среди твоей мебели есть? – спросила я. В конце концов, если мебельный фургон мог найти этот дом, проехать к подъезду и потом уехать, кто помешает мне вызвать на это место такси? На самом деле я знала, кто и что помешает, ведьма и ее проклятое заклятие, но гнала от себя эти мысли. Зачем знать географию, если есть извозчики, которым это положено по профессии, подумала я.

– Да, конечно, – охотничий азарт в глазах Якуро несколько угас от такого пренебрежения его обстановкой. Но сразу снова загорелся, потому что он понял, что получил-таки предлог позвать меня в гости. – Конечно-конечно, звоните, сколько хотите, хоть по междугороднему, хоть за границу!

– Спасибо. Я только такси вызову.

Он еще раз угас – и снова ожил, как феникс.

– Ну вот, а пока оно приедет, отдохнете, обстановку посмотрите. И чаем я вас угощу. Или там еще чем.

Я не возражала. Вот далась ему эта обстановка! Меня уже не удивит, если под мебелью он понимает, например, пыточное оборудование. Дыба в передней, железная дева на кухне, прокрустово ложе в спальне. Может, он садист, принимающий меня за мазохистку?

Мы вернулись в прежний двор и прошли обратно к подъезду, где жил Якуро.

Я чуть не показала язык подъезду старой ведьмы, когда мы проходили мимо него. Но какое-то неясное опасение удержало меня. И правильно сделала, что не показала. Потому что и подъезд, и квартира Якуро на пятом этаже никуда не делись, чего я уже начала опасаться. И в лифте мы не застряли. А какой был случай для проявления заклęcia! И мебель Якуро оказалась на месте. Ничем ее не унесло, пока он пытался мне помочь выйти со двора.

Впрочем, унести ее было бы довольно трудно. Даже нечистой силе. Я-то все думала, что же такого в этой обстановке, что ее хочет показывать мужчина с целью заинтересовать собой женщину?

– Замечательная обстановка! А как ты будешь передвигать эти кресла, стулья и столы, когда состаришься? – спросила я, чтобы хотя бы отчасти скрыть тот факт, что мебель Якуро оказала-таки на меня впечатление, на которое он рассчитывал. И ведь один ее расставил за два часа! – Ну, шкафы и кровать ты, понятно, поставил на века...

– Вряд ли я доживу до старости, – скромно ответил он, довольный произведенным эффектом.

– Ну да, конечно, надорвешься, придвигая стул к столу, – пошутила я.

– А хотите, я вас на шкаф посажу и вместе со шкафом в другую комнату перенесу? – предложил он с вызовом. Взгля-

дом он при этом выдал, в какую именно комнату он предполагает меня транспортировать таким оригинальным способом. В спальню, конечно.

– Ладно, ладно, верю, – я решила прекратить заводить его, – не надо меня на шкаф сажать. Принеси лучше чего-нибудь попить, а я пока вызову такси. Где у тебя телефон?..

Такси, однако, приехать не захотело. Оказалось, что все машины как раз заняты в других районах. Волосам на моей голове захотелось встать дыбом. По спине поползли мурашки. Если бы она у меня была волосатая, наверняка и там волосы встали бы торчком, как у загнанной в угол собаки.

Надо сказать, Ульяновский район в смысле такси не лучшее место. Тарасов расположен большей частью вдоль Голвы, хотя и довольно широкой полосой, там находятся центр, размещающийся между портом и набережной с одной стороны и железнодорожным и автовокзалом с другой, и Фабричный район, примерно такого же размера. Отступать от берега дальше не позволяют горы, на одной из которых, впрочем, очень удобно расположен аэропорт.

Удобно, потому что рядом. Во многих городах время, которое можно сэкономить, полетев на самолете, съедается поездкой на электричке или автобусе в аэропорт.

Между горами можно проехать в Ульяновский район. Нельзя сказать, что он совсем не связан с центром города, но среднее время на то, чтобы доехать из какого-то места в этом районе до какого-то места в центре или наоборот, пример-

но такое же, как среднее время доехать куда-то в Москве. А ведь по населению Тарасов меньше, как минимум, в десять раз.

С другой стороны, сам по себе Ульяновский район довольно велик. Более не стиснутый прибрежными горами, город привольно расплзся здесь по степи. И отсутствие в таком большом районе хотя бы одной машины такси было редким невезением. Да только я знала, что не в невезении дело.

Диспетчер посоветовал позвонить через час-полтора. Я понимала, что это бесполезно, но решила ради эксперимента все же позвонить. И очень хорошо, что это нужно сделать не сразу, а позже...

—позже—позже—позже—

Позже я с трудом об этом вспомнила. Скорее через два часа, чем через полтора.

Как мы их провели, я и вспоминала теперь, задыхаясь в предательских каштанах. Но описывать не буду. Мне эти воспоминания дороги, а вам это не так уж неинтересно; а кому интересно, пусть читает другие книги. Я же с тех пор, как меня уволили из рядов, даже в отчетах о выполнении заданий таких вещей не пишу, разве что в самых общих чертах, вроде «он был нежен и неутомим». Потому что ничего, кроме комплиментов, он не говорил, да у меня и цели не было у него чего-нибудь выведать. Наверное, мне хотелось только

снять напряжение, не отпуская с того момента, как я после заклЯтия старухи не смогла выйти к машине. Так что он был нежен и неутомим, и хватит с вас.

На самом деле еще до того, как началось то, чего я не буду описывать, я успела пошарить у него по карманам и ящикам стола. Пока он был в ванной, а я, предположительно, ждала его в постели. Ничего особенного. Нашла альбом с фотографиями, а в альбоме, действительно, деда – японца, участника второй мировой, затем – военнопленного. Звали его Ясуо Кацумата. Молодого человека действительно звали Якуро. Якуро Иванович Хабаров, русский. Отец – Иван Петрович Хабаров, мать – Нина Сергеевна Хабарова-Кацумата. Прописка – эта квартира. Раньше жил в центре, на Германской. А вот это интересно! Диплом. Оказывается, Якуро окончил Военный институт иностранных языков. Основные изученные им языки – китайский и английский. А впрочем, ну и что? Все это сделать, включая деда-японца, пара пустяков. Если он из «наших» или из «ихних». Уж не знаю, кто опаснее. В общем, как я и предполагала, ничего особо интересного... А потом вся эта шпионская чушь вообще вылетела у меня из головы. По понятным причинам. И, казалось, насовсем.

Но нет, через два часа я спохватилась, что такси могут опять разъехаться, и, как была, неодетая, кинулась им звонить. Точнее, лениво потащила им звонить.

Такси согласилось быть через полчаса. Удивительно!

Неужели?..

Через полчаса, проведенных тоже очень приятно, за чаем и легкой беседой, мы с Якуро, уже вполне одетые, сидели на лавочке у его подъезда. Такси не спешило, а мне и не хотелось сейчас, чтобы оно спешило. Не говоря уже о Якуро, тот вообще был в отчаянии.

Однако, когда прошло сорок пять минут, он по моей просьбе поднялся позвонить диспетчеру, чтобы узнать, в чем дело. Это простое опоздание, или случилось что. Сама я на всякий случай осталась ждать. Такси могло приехать и, никого не обнаружив, уехать. То, что оно опаздывало, в этом смысле никак не помогало: тем более водитель мог решить, что клиент устал его ждать и воспользовался каким-то другим транспортом. Если бы он у меня был, этот другой транспорт!

Очень скоро Якуро вернулся с печальным известием: его телефон не подает признаков жизни. Поскольку отключать его абсолютно не за что, значит, что-то с линией.

Свой сотовый я стараюсь не отключать. Вам это ни к чему, но сервис фиксации звонков, когда телефон отключен, чтоб потом узнать, кто звонил, облегчает отслеживание сотового, а вот если он включен, то нет. Не для спецслужб, конечно, те могут запросить данные у сотового оператора. Но все же. Потому, идя на дело, я оставила его в машине, чтобы не заиграл в ненужный момент. А до машины-то как раз и не получалось добраться.

И у Якуро сотового не оказалось – вчера сломался и был отдан в ремонт. Будет готов завтра. Если он не врал, чтобы со мной подольше пообщаться. Нельзя было исключить и то, что он участвует в общем заговоре.

Услышав про сломанный сотовый, я поняла, что не имею больше права рассчитывать на помощь этого приятного молодого человека. Либо он играет на другой стороне, либо на моей. В первом случае мне лучше держаться от него подальше для собственной пользы, во втором – ради него самого. В конце концов, он тут ни при чем.

Я решительно встала со скамейки.

Якуро был очень расстроен, когда я последовательно отвергла все его предложения. Вернуться к нему и подождать, не починят ли кабель. Вернуться к нему и подождать, пока он побегаёт по подъезду, узнает, нет ли у кого исправного телефона. Сесть обратно на эту удобную скамейку и подождать, пока он походит по дворам в поисках прохода к нужной мне улице. Взять его в сопровождающие и идти искать улицу вместе.

Я велела ему смирно сидеть и не лезть не в свое дело и, помахивая сумочкой, удалилась, безжалостно и гордо...

–безжалостно и гордо–жалостно и гордо–жалостно и горько–

...И горько жалела об этом теперь. Так как, пройдя

несколько дворов, сунулась в гаражи, потом – в каштаны, где
мне и конец приходит. Где ты, где ты, где ты, Якуро?

Глава 6. Яма

И вдруг дышать стало чуть легче. И в голове немного прояснилось. Сначала мне показалось, что уж лучше бы не прояснялось, потому что, оказывается, мерзкие колючки уже засыпали мне все лицо, и я, не в силах пошевелиться, была вынуждена терпеть их скользкие и колючие прикосновения, дышать сквозь них воздухом, пропитанным их присутствием, видеть и слышать только их отвратительное царапающее шевеление.

Потом я почувствовала, что кто-то меня откапывает. И даже потихоньку оттаскивает из этой зеленой могилы. Между прочим, довольно больно – за волосы!

Да меня же спасают! – вдруг дошло до меня. Боль сразу показалась мне приятной: она была свидетельством моего возвращения в мир живых из мира мертвых, где я чуть было не осталась навсегда.

Спаситель – ах, неужели это Якуро? – действовал осторожно. Наверное, боялся обрушить всю башню. То таща меня за волосы, которые, наверное, одни и были ему доступны, то разгребая каштаны вокруг головы, он постепенно добрался до ворота моего платья и попытался тащить за ворот. Неудачно. Во-первых, мне опять стало нечем дышать, во-вторых, ворот не выдержал и разорвался. Дышать опять стало легче. Между тем спасатель, каждый раз, как ему уда-

валось отвоевать у каштанов еще хоть сантиметр моей спины, немедленно пытался тащить за платье, разрывая его постепенно все ниже и ниже.

Наконец, эйфория от чудесного спасения меня покинула. Да и слух вернулся – и не принес ничего, кроме все той же ужасной “музыки” компании с иномаркой.

В конце концов, когда от каштанов освободилось уже все мое лицо, а сзади из них – и одновременно из платья – торчала вся моя спина, а тащили уже за руки, я сумела обернуться. Увидела их мерзкие рожи и пожалела, что не задохнулась в каштанах. Как каштаны ни противны сами по себе, видения в них были вполне ничего. Я даже попыталась рвануться вперед, обратно в зеленую могилу, но за руки держали крепко. Особенно вцепился один тип, наверное, старший у них, с самой дегенеративной харей. Он только использовал мой рывок, чтобы разорвать мне еще и рукав и сдернуть его с моей руки. Затем, дернув образовавшуюся длинную тряпку, подонок разорвал платье до низу. Ему тут же подали веревку – подло связать мне руки за спиной. Ноги они пока благоразумно не спешили освобождать из каштанов...

Дальше понятно... В общем, кто любит читать про такое, того опять же посылаю по соответствующему адресу. Если кому-то станет легче, так и быть, могу и себя отнести к этой категории. Правда, не в этом случае, а вообще. Сейчас-то я не читатель, а писатель. Я имею в виду категорию читателей-садистов, любительски пилящих родственников,

или, тем более, любящих профессионально пилить кости, или сверлить зубы бормашиной, или отлавливать бродячих людей (и, при случае, сверлить их взглядом) или собак и кошек и даже препарирующих трупы или лягушек...

–лягушек–лягушек–лягушек–

Лягушкой, выброшенной в ведро после препарирования, и почти совсем дохлой, я себя и ощущала, когда все это закончилось через время, показавшееся мне бесконечным. Но, как объективно доложили выработанные жестокими тренировками “часы” в голове, прошло полтора-два часа, после чего я оказалась в той самой яме под той самой машиной...

Наверное, я и была почти мертва. Хотя если основываться на анекдоте об утренних ощущениях, мертвым себя должен считать как раз человек, у которого ничего не болит. У меня же болело все, каждый квадратный сантиметр кожи снаружи и каждый кубический сантиметр тела внутри. Впрочем, эта боль ощущалась уже как что-то отдельное, почти не имеющее ко мне отношения. Почему-то гораздо больше меня понимал запах и вкус рвоты во рту. И, казалось, не только во рту, но и везде.

Руки были по-прежнему связаны за спиной. Мотор иномарки по-прежнему работал. Хотя ее выхлопные газы чище, чем, например, у моей “шестерки”, долго дышать ими не удастся. Мстить давно уже не хотелось, хотелось скорее

умереть. Некоторое время, пока они надо мной издевались, я вела издевательствам счет и мечтала предъявить этот счет к оплате. Но потом и со счета я сбилась, и стало мне ясно, что предъявить все равно не удастся. Сознание медленно угасало, и это было хорошо. Казалось, в этом состоянии меня уже ничто не может хоть как-то затронуть. Но это только казалось.

Было абсолютно темно. Скорее всего, яму закрыли щитами. Газ так должен был проникать медленнее, но, может, они и хотели, чтобы я помучилась подольше. Про щиты я не была уверена: перед тем, как бросить в яму, меня еще и стукнули по голове. Но, наверное, я и так уже имела вид трупа, так что стукнули слабовато. А скорее, специально старались устроить так, чтобы в яме очнулась и помучилась еще немного. Похоже, методика была отработана, так что я вряд ли могла быть единственной жертвой?

И тут, несмотря на темноту, я с внезапным ужасом осознала, что лежу на трупах. Я чувствовала их под собой и рядом. Кошмар, пригрезившийся мне среди бела дня, когда они приглашали меня в свой гараж, оказался явью.

А может, у меня предсмертные галлюцинации?

Я стала ощупывать все вокруг себя связанными руками. Для этого приходилось поворачиваться спиной, но ведь было темно, так что глаза мне все равно не могли помочь.

В результате этого ощупывания меня чуть не стошнило. Но это было уже невозможно: столько раз меня рвало во вре-

мя пыток, которым меня подвергали. В желудке и так было совершенно пусто, а от мерзкого вкуса и запаха рвоты во рту, казалось, мне уже не избавиться до конца жизни. Если я, впрочем, выживу, на что не было никаких шансов. Так что позывы остались безрезультатными, хотя и не стали от этого менее мучительными.

Насколько я могла понять, все трупы – молодые женщины, вроде меня, и в похожем виде. Все в лохмотьях, кожа в порезах и ожогах, там и сям скользкие и липкие от крови. Вот только они холодные, ужасно, смертельно холодные, а я еще живая. Мне казалось, что они упрекают меня в этом и стараются перелить в меня свой могильный холод, заразить меня смертью, обнять и не отпускать больше.

Но, кажется, стремление к смерти постепенно оставляло меня, пока я натыкалась на все новые и новые трупы. Вместе с омерзением от их прикосновений мною овладевала и огромная жалость к ним: они были так похожи на меня! Если я присоединюсь к ним, кто отомстит за нас всех? Кажется, я начинала хотеть жить хотя бы для этого. Вот только толку от желания жить не было никакого... Но я продолжала свое тошное и горькое исследование.

Некоторые из девушек, видимо, пытались освободиться. По крайней мере одна: она своими связанными руками сжимала мертвой хваткой небольшой ножик. У меня такой тоже был, даже два, как у Джеймса Бонда, в подметках кроссовок. И даже мелькнула было мысль его достать, но как его закре-

пить, чтобы можно было перерезать об него веревку?..

А вот она не только подумала о нем, но и достать ухитрилась. А применить, действительно, не смогла. Зато я им воспользуюсь.

Уж не для меня ли она и старалась, мелькнула странная мысль. А что ж, если она подумала о том, что жертвы еще будут... Я-то не подумала... А она, значит, знала, что самой не спастись, и решила помочь следующей жертве. То есть мне. Я отомщу за тебя, мысленно пообещала я ей, старательно водя связанными руками взад и вперед. Ты только держи нож, не отпускай, моя спасительница. Ты уже спасла меня от равнодушного принятия отвратительной смерти, подобной гибели животного под ножом мясника, а может, тебе удастся и помочь мне руки освободить. А наши мучители-то этого никак не ожидают...

А вдруг это я? – подумала я вдруг про свою спасительницу, растирая освободившиеся руки. Мысль дикая, но тогда, в той обстановке, в темноте, в запахе рвоты, разложения и выхлопного угара, в окружении трупов, она мне дикой не показалась. Я попыталась нащупать пульс на ее шее и одновременно – ощупать ее лицо. Пульс не нащупывался, да и какой уж тут пульс, при трупном окоченении, совсем я свихнулась. И у меня скоро не будет нащупываться – голова от угара болела и кружилась все сильнее. Тошнило, то ли тоже от угара, то ли от ударов по голове и по животу, то ли от трупного запаха. Но лицо у нее точно мое. И у остальных, кажется, то-

же. Лицо у меня без особых примет, вроде пикантных родинок или каких-то дефектов внешности. Но форма носа, подбородка, скул, бровей... И руки, на которые я все время наткалась, были мои собственные. Только нечувствительные, как будто я их отлежала во сне. Только это была смерть, а не сон. Значит, все они – я? И мне недаром казалось, что я как в повторяющемся кошмаре? Все и впрямь повторялось неизвестно сколько раз?..

И я поняла, что выхода нет. Мои предыдущие воплощения звали меня присоединиться к ним. Это ужасало меня, но я уже не имела сил сопротивляться. По мере того, как я обнаруживала все новые трупы себя самой, они, казалось, присоединяли свои призрачные голоса к общему хору, звавшему меня остаться в этой отвратительной яме...

И тут я опять случайно наткнулась рукой на нож в руке своей спасительницы и испытала вместе с болью от пореза на ладони, которая уже ничего не могла прибавить ко всему тому, что у меня болело, нечто вроде стыда перед ней. Быстро же я забыла о своей клятве отомстить за нее в благодарность за спасение. Она позаботилась обо мне, не имея шансов спастись, а сколько людей на ее месте не смогли бы думать ни о ком, кроме себя? А я что же?

И потом, если она, одна из всех, догадалась взять в руки нож, значит, не такие уж мы все тут одинаковые. А я самая неодинаковая – у меня руки уже не связаны! Значит, не обязательно и судьба у меня будет такая же ужасная и отврати-

тельная.

Вот ты и в третий раз меня спасаешь, подумала я.

Так я сумела оторваться от своего скорбного исследования и занялась делом. Не зная, сколько еще смогу оставаться в сознании, я быстро, как только могла, позаимствовала у ближайших “себя” наиболее целые детали одежды. Взяла нож у своей спасительницы. Она сразу его выпустила, будто поняла, что держать уже не нужно, не понадобилось даже пальцы по очереди разгибать. Возможно, этим она спасет меня в четвертый раз? Потом я тихо приподняла край одного из квадратных щитов, которыми была накрыта яма, и выскользнула из-под него, оставаясь под машиной.

Дикие мысли о множестве моих трупов сразу вылетели у меня из головы, потому что компания зомби-садистов по-прежнему была вся тут. И была опаснее, чем клубок ядовитых змей. Я же по-прежнему дышала выхлопными газами, хотя теперь они отчасти рассеивались. Но я ими и так уже надыхалась. Да и прочие испытания никак нельзя было сбросить со счетов. Поэтому я медлила, пытаюсь собраться с духом. Меня трясло от ужаса при мысли снова показаться им на глаза. Но выхода не было.

Наконец, ненависть и омерзение пересилили осторожность и слабость, и я стала действовать.

Глава 7. Погоня в лабиринте

Два ножа из своих подметок я, слегка высунувшись из-под машины, метнула в тех зомби, что стояли дальше всех. Оба, видимо, вскрикнули – мне было плохо слышно, от страха шумело в ушах, и вопли магнитофона и мотор над головой мешали, – но остальные услышали. Или почувствовали как-то еще.

Когда эти двое стали падать, один – хватаясь за нож, торчащий из глаза, другой – хватаясь за нож, торчащий из живота, остальные разом повернулись к ним. Этого мне и было от них нужно.

С ножом, взятым у мертвой меня, я, как демон мщения, возникла у открытой дверцы водителя. Если он был водителем – парень, сидевший в машине и периодически нажимавший на газ, заставляя морот взрывать. Мгновение спустя он был трупом, и этот труп от сильного рывка летел наружу. Одновременно я скользнула на его место. В следующее мгновение дверца захлопнулась сама собой: я дико рванула с места, и, давя и раскидывая этих нелюдей, вылетела из гаража.

Однако много, очень много их осталось не покалеченными, и они бросились в погоню, зловеще размахивая ножами, кастетами, обрезками труб, монтировками и прочим гибельным железом.

А у меня никак не получалось набрать скорость в этом лабиринте! Визжа шинами на крутых поворотах, то и дело с трудом тормозя – колеса проскальзывали на мусоре – и снова давя изо всех сил на газ, я неслась по нему и пока, о счастье, ни во что не врезалась. Я ухитрилась в то же время и не быть настигнутой, но понимала, что долго мне такой гонки не выдержать. От внезапно нанесенного удара заднее стекло рассыпалось в мелкую стеклянную крошку. От заднего сиденья упруго отскочила, съездила меня по коленке и со стуком улеглась на дно машины перед моим сиденьем какая-то ржавая железяка. Хорошо, не под педали...

Видимо, разбивание стекла было делом предосудительным: между преследователями, кажется, произошла драка. Наверное, между владельцами тачки и их слишком ретивыми друзьями, которым на сохранность автомобиля было плевать.

Отлично, значит, можно надеяться, больше они тяжелыми предметами кидаться не будут. Я, получается, взяла в заложники их обожаемую машину. К сожалению, драка из-за разбитого стекла охватила не весь контингент преследователей. Не принявших в ней участия было достаточно много. Они продолжали погоню и отставать не собирались.

Выход из гаражей все не появлялся. Но и кошмар блужданий в гаражах, когда я все время возвращалась к центру, тоже не повторялся. Кажется, длина сторон квадрата, вдоль которых мне приходилось разгоняться и тормозить, чтобы

нырнуть в очередной проход, даже увеличивается?

Если бы я где-нибудь вернулась назад, они бы меня перехватили. Я видела, как половина компании рванула не за мной, а в противоположную сторону. Потом они встретились у выезда в другой ряд, но уже после того, как я проскочила в него. Высыпав за мной из этого прохода, толпа опять разделилась: половина за мной, половина от меня, на перехват у следующего прохода.

А ведь, пожалуй, они меня так отсюда и выведут, недоумки, подумала я. Вернее, выгонят. Возможно, если бы они не придерживались этой тактики окружения, гаражи опять закружили бы меня. Спасибо, придурки!

Неужели судьба, или старая ведьма, надо мной сжалилась? Если выберусь отсюда, пойду к ней и прощения попрошу, решила я, в очередной раз давя на газ и сразу же – на тормоз и ожесточенно выворачивая руль...

–газ–тормоз–руль–газ–тормоз–руль–газ–тормоз–

...Крутя руль в очередной раз, и нажимая на газ, я вдруг обнаружила, что гаражи кончились. Я уже проскочила в последний проход, вырвалась во двор и оказалась на узкой дорожке между гаражами и домом. Это он стоит впереди... теперь слева... а не очередной ряд гаражей! Я рванула вдоль дома к ближайшей арке. Размахивающие металлом садисты – за мной!

Оказывается, я почти ожидала, что они, как кошмар, рассеются, если попытаются выйти с территории гаражей. Как бы не так! Кошмар продолжался.

Кстати, если бы он рассеялся, как бы я сама могла выехать оттуда на этой шикарной машине? Она бы исчезла, как дым, и я со всей скорости села бы на асфальт. Эффект был бы как в анекдоте про кота, любившего разгоняться и вытирать задницу об пол, и наждачную шкурку. Только ушки бы от меня до арки доехали. Впрочем, хоть я и Багира, ушки у меня не на макушке. Так что и ушек бы не осталось. А жаль, что не на макушке. Была бы настороже – не полезла бы в квартиру к ведьме...

Поворот в углу между домами... Жаль, здесь не сидит на лавочке Якуро. А впрочем, лучше ему не впутываться, целее будет... Да и на чьей стороне он бы вмешался?..

Мелькнул подъезд старой карги; мелькнула и пропала мысль тормознуть здесь и бегом спастись к ней от веселых ребят. Вот и арка слева.

В арке мне не повезло. Мне уже не хватало ни сил, ни дыхания. На левом повороте машину занесло. Она вошла в арку и чиркнула левым крылом по стене прохода. Раздался скрежет, зазвенела разбиваемая фара. Машину развернуло поперек прохода и ее багажник с хрустом въехал в правую стену. В этом положении машина и застряла, поперек прохода, упираясь в обе стены.

Водительскую дверь заклинило. Но оно и к лучшему –

преследователи-металлисты уже подбегали к ней. К счастью, дверь с другой стороны, наоборот, от удара распахнулась сама. Я выскочила через нее и побежала дальше, в соседний двор, а им еще предстояло пролезать сквозь машину или перелезать через нее. Правда, вряд ли можно назвать бегом мое инвалидное ковыляние – все, что я могла изобразить после всего этого кошмара. Но все же я успела выбраться из арки прежде, чем меня догнали. В этом квадрате девятиэтажек вместо гаражей в центре стояла шестнадцатиэтажная башня – дом с одним подъездом почти напротив арки. У меня мелькнула была мысль попытаться скрыться в нем и постучаться в какую-нибудь квартиру, но это могло привести к успеху только в том случае, если шестнадцатиэтажка заселена. Но с чего бы ей отличаться от остальных домов? Тем более, я чувствовала, что дома необитаемы не просто так, а из-за заклятия лабиринта... Между прочим, находиться рядом с поврежденной машиной опасно, подумала я и поспешно повернула за угол. Если течет бензобак, а это вполне вероятно после того, как машина ударилась задом о правую стену прохода...

Будто отвечая моим надеждам, за спиной гроыхнуло. Раздались вопли.

Продолжая ковылять изо всех сил, я обернулась, и мне открылась кошмарная картина. Полотнище дымного пламени, обломки железа и несколько горящих тел вылетели из арки, сыгравшей роль пушечного дула, и ударились о стену

дома-башни рядом с дверью подъезда. Хорошо еще, в доме был так называемый высокий первый этаж: окна лоджий оказались выше, а то мог бы получиться грандиозный пожар. Стена под окнами превратилась в кошмарное произведение абстрактного искусства, каким любит иногда развлекаться мстящая человеку поработанная природа, когда она восстает против его владычества своими землетрясениями и ураганами. Или подготовленными самим же человеком техногенными катастрофами. Впрочем, больше всего это было похоже на обстановку военных действий.

Но мне некогда было любоваться чудовищными конкрециями этой абстрактной живописи или ужасаться им. Слишком большая часть компании зомби-садистов успели, как и я, завернуть за угол и оказаться вне траектории “выстрела”. Теперь они быстро догоняли меня. Человек десять. Человек? Вряд ли таких можно считать людьми. В смысле, “пересчитать, говоря, что их столько-то человек”, не говоря уже о том, чтобы счесть людьми.

Но о чем это я? Наверное, мой разум пытается отключиться: слишком страшная участь меня ожидает. И никаких шансов на спасение теперь уже не осталось.

Глава 8. Против лома нет приема

Все же я дохромала от арки до угла дома, пока они настигали меня.

И тут на пути убийц встал откуда-то взявшийся Якуро.

С голыми руками, один против банды озверелых головорезов.

Я лелеяла на Якуро иррациональную обиду. Ведь это не он спас меня от удушения каштанами, а именно эти проклятые садисты. Которые чуть не замучили меня до смерти, да и теперь имели все условия, чтобы довершить свое черное дело. Несмотря на это, я бы, конечно, помогла ему. Но сейчас все, на что меня хватало – держаться на ногах. Все же я остановилась. Если он с ними не справится, они все равно меня догонят.

С самого начала у него не было никаких шансов. И он знал об этом. Но мой японец спасал меня и не думал ни о каких шансах, как истинный самурай.

Сначала мне показалось, что он справится. Якуро действительно здорово дрался. Подбегающие бандиты отлетали в стороны и падали, как манекены, не успевая коснуться его своим железом.

Но их было все-таки слишком много. После того, как упали и больше не встали первые четверо, оставшиеся шестеро уже не лезли на рожон. Они окружили его. Те, что оказыва-

лись перед ним, отскакивали при любом его движении в их сторону, а ударить старались те, к кому он оказывался спиной. Они тоже умели драться... И они зацепили его своим железом раз, и другой. Я не могла оценить, насколько серьезны его раны. Но было понятно, что его дела плохи.

Мелькнула мысль о смерти, как о желанном избавлении от мук, вскоре уготованных мне в лапах зомби, когда они его убьют. Но я продолжала смотреть, тупо прикидывая, не могу ли хоть как-то помочь ему. Но в мою тупую угорелую голову ничего не приходило. Сил хватало только чтобы не падать. И чтобы смотреть.

И тут они по сигналу того, который был сзади Якуро, кинулись все сразу. Но Якуро уловил этот сигнал или еще как-то понял, что они собираются делать, а может, успел среагировать. Он высоко подпрыгнул и в прыжке разом достал нападавших встречным ударом. Двоих ногами и одного – рукой. И эти трое тоже упали и не поднялись больше. Однако, когда он приземлился после прыжка, остальные трое были уже рядом с ним и наготове. Но Якуро еще в падении успел резко согнуть и распрямив руки, и настал черед падать тем двоим, что были от него справа и слева. Я не успела заметить, успели ли и они что-то сделать, но если и нет, это уже не спасло бы Якуро. Потому что третий, сзади, ударил его монтировкой, как пикой. Мерзкий окровавленный лом вылез из груди Якуро как раз в промежутке между третьей и четвертой пуговицами рубашки. Все.

Я снова окунулась в кошмар, от которого только что, казалось, появилась надежда избавиться. Якуро послал мне последний любящий взгляд, попытался что-то сказать... Губы его шевельнулись... Но поток алой крови хлынул у него изо рта, свет в глазах потух, и мой спаситель мертвым повалился лицом вперед на красный, склизкий от крови асфальт. Умиравший самурай должен падать лицом вниз. На спину – неприлично.

Как он и говорил, не привелось ему дожить до старости.

Все это произошло гораздо быстрее, чем можно описать.

У меня потемнело в глазах. Я еще не могла поверить им, своим безжалостным глазам, не в силах примириться с кошмарной действительностью, которую они мне показывали, а подлый убийца, последний, оставшийся в живых, уже наступил моему герою на спину и с ужасающим звуком выдернул свое мерзкое орудие. Сделав это, он, гаденько ухмыляясь, направился ко мне.

Испарилась моя последняя надежда: что гибель прочих членов банды окажет на него хоть какое-то воздействие. Он был слишком туп для этого. А может, это зрелище ему даже понравилось. С содроганием я вспомнила, что среди моих мучителей именно этот был самым изобретательным палачом. Картины и ощущения того, что он со мной делал, возникли передо мной, внутри меня. Я не в силах была забыть, не думать о них, не чувствовать их вновь. Они надвигались на меня в облике этого нелюдя и должны были сейчас повто-

риться.

Он увидел муку в моих глазах, и обрадовался. Его физиономия прямо-таки лучилась самодовольством. Как же: все мертвы, а он, палач, и я, жертва – нет! Второе, впрочем, явно не надолго. Или надолго, тогда еще хуже.

– Я тебя недооценил цыпленочек, – сказал он неожиданно тонким, почти детским, голосом, и я вздрогнула: он еще и разговаривает!

– Я думал, – продолжал он с удовольствием, – что ты уже ни на что не годишься, ну и согласился с друганями своими отправить тебя в яму, к остальным. – Он медленно приближался, поигрывая ужасным окровавленным ломом, от которого я не могла оторвать завороженного взгляда: кровь Якуро чуть ли не ручьем с него текла. – Дружки-то мои просчитались, ты еще очень даже можешь попрыгать. Уже ты у меня попрыгаешь. Теперь я тебя в яму отправлю, только когда совсем падалью станешь. И то сначала кишки выпущу, если останутся еще, и удавлю ими, а потом уж туда, в яму. Но это потом, а сперва ручки-ножки попереломаю, чтобы прыгала, но не высоко, а так, низенько-низенько. А к остальным – это не скоро, нет.

– Остальные – кто они? – неожиданно для себя самой осмелилась я перебить его.

И на его хитрой физиономии появилось озадаченное выражение. Он даже остановился. По его понятию, я должна была онеметь от ужаса. Потом он снова неторопливо двинул-

ся вперед, продолжая помахивать ломиком.

– Ишь, храбришься, – одобрительно заметил нелюдь, – это хорошо. Значит, еще живее, чем на вид. Видок-то у тебя, хихи, краше в яму кладут. А остальные – это такие же цыпочки, как ты. Ну прямо в точности такие, одинаковые, – он довольно заржал. – Мы вас, таких, ловим и того. Играем. А потом, понятно, в яму. А чего с вами еще делать?

Он беседовал со мной с видимым удовольствием, стараясь запугать посильнее. Идиот. Ему надо было не произносить ни слова, как раньше. Изображая зомби, он казался иррациональным и потому был страшнее. А так я даже оказалась в состоянии немного думать. Впрочем, ожидающие меня мучения от этого менее страшными не становились.

– И сколько нас таких было, одинаковых? – спросила я, пятясь к скамейке, на которой сиротливо лежал свитер Якуро.

– А кто вас, цыпочек, знает, – ухмыльнулся мой палач, начиная шагать немного быстрее, и сводя на нет мои усилия отдвинуться от него, – наверное, ты девятая будешь.

И он занес вбок свое ужасное оружие, собираясь, как и говорил, переломать мне сначала руки и ноги, чтобы прыгала, но не очень. А я и так не в состоянии была прыгать. И я поняла, что до скамейки добраться не успею. Да и вряд ли Якуро оставил в свитере какое-нибудь оружие. Собираясь драться насмерть, взял бы с собой. Зато бандит тоже, видя, что я пытаюсь добраться до свитера, подозрительно косится

на него. И, стало быть, внимание его хоть чуточку отвлечено. И еще я осознала, что я – последняя, и вспомнила, где нож, взятый у предпоследней меня, тот, которым я убила водителя. Я не потеряла его, а, предвидя бешеную работу рулем и не доверяя прочности лохмотьев, в которые была одета, спрятала в волосы!

И теперь я вынула его и недрогнувшей рукой зарезала этого смрадного паука в почти человеческом облике. Он успел удивиться и ужаснуться. Это была моя месть за моего героя, Якуро, и за всех прежних меня.

Глава 9. Башня

К старой ведьме я не пошла. После всего, что было со мной, может, еще и смогла бы, а после гибели Якуро – нет. Как-то мне стало все равно, что со мной будет. Можно было и еще побарахтаться. Тем более, что в этом дворе одинаковость лабиринта дала сбой, и я могла надеяться, что это неспроста. Вдруг эта шестнадцатизэтажка чем-то поможет? С нее можно хотя бы оглядеться.

Лифтом я на всякий случай решила не пользоваться, даже если он работает. После каштанов и ямы у меня, кажется, появилась клаустрофобия. Но минут через десять мучительного карабкания по лестницам я уже оказалась на крыше башни. Крыша была плоская, окруженная бетонным барьером. Переходя от одного края крыши к другому, я стала разглядывать окружающую местность.

В северном направлении Тарасов должен был вскоре кончиться. Но я обнаружила, что там еще довольно много девятиэтажек. Границу мне увидеть не удалось. Все-таки шестнадцать этажей не настолько больше девяти, чтобы рассматривать весь застроенный этими сумасшедшими девятиэтажками район сверху, как карту. Только ближние окрестности.

Так же и в южном направлении. Я знала, что там центр Ульяновского района, и эта безумная застройка должна смениться обычной. Но где именно это происходит, рассмотреть

не удавалось.

На восток идти было наиболее бесполезно: там этой новой застройки было больше всего. Мало того, и шестнадцатипятиэтажки, такие же, как та, на которой я стояла, росли там все гуще, постепенно образуя непроходимую чащу. Почему-то это показалось мне зловещим. Я поспешила отвернуться.

Лучше всего было продвигаться на запад. Там проспект Зодчих, откуда я приехала. И он близко. Буквально пять-шесть этих квадратных дворов. Более того, где-то там, еще по дороге к проспекту, та параллельная ему улица, где меня дожидается моя “шестерка”.

Оставалось спуститься с башни и пойти к проспекту.

Я не смогла найти двери в подъезд, из которой вышла на крышу. Я обошла всю крышу. Двери не было. Мне опять стало казаться, что это кошмарный сон, но я восприняла это почти равнодушно. Ну, кошмар. Ну, останусь на крыше, умру и превращусь в здешнее привидение. Единственная дверь вела в надстройку, где со зловещим гудением в мрачной темноте вращался барабан лифта, то разматывая с себя тускло блестящий стальной колючий трос, то обматываясь им обратно. Тут как в гаражах с ржавыми остовами тачек: район новый, дом тоже, а трос старый, полно лопнувших нитей.

Но страшнее, что жильцов я не видела ни во дворе, ни на лестнице, а лифт так и шастает туда-сюда. Привидений катает. Похоже, я буду не единственным привидением. Но я опять не впала в панику. Я боялась, но, казалось, это боится

кто-то рядом со мной, а я наблюдаю за ним со стороны. Меня было уже трудно напугать чем бы то ни было. Мне уже почти нравилось бояться.

За барабаном я углядела еще одну дверь. Это явно был вход в подъезд. Неужели я при выходе из подъезда проехала на барабане? Не заметив? Или перелезла через него, когда он стоял? Опять же не заметив? Не верится. Глядя на барабан, я пока не осмеливалась попробовать запрыгнуть на него – такой он был большой. И колючий. И прыгать нужно вверх, а разогнаться по крыше можно только вперед. Правда, прыгуны в высоту как-то справляются. Но их ждут мягкие маты или даже ящик с поролоном, а не шахта лифта шестнадцатипятиэтажки...

Подождав, пока барабан начнет вращаться в нужную мне сторону, я запрыгнула на него – и почти допрыгнула до верха. Остальное, как я и рассчитывала, за меня сделало его вращение. Ой-ёй-ёй, как же он колется! Ура, я наверху! Барабан продолжал вращаться, и я почти попала к двери в подъезд. Оставалось только спрыгнуть. Но барабан резко остановился, и я загремела в шахту. Кабина лифта была далеко, где-то в самом низу.

Я испугалась. Но не слишком. Мне было почти все равно. Падая, я уцепилась за трос, который, к счастью, свисал как раз с моей стороны барабана, и раздирая ладони, повисла на нем. Невзирая на боль в ладонях и щиколотках, до которых сквозь кроссовки добралась торчащая из троса там и

сям проволока, вскарабкалась по нему обратно на барабан. Раньше я, наверное, при первом же уколе с воплем отпустила бы трос и полетела вниз, но теперь какие-то жалкие уколы были мне по барабану. Сначала пришлось лечь на него, и тогда уже досталось животу и груди. Потом я встала на нем на колени, получив всего пару уколов и в них, потом на ноги, согнувшись, едва не упираясь в потолок, и, вся исколотая, спрыгнула дальше, к двери в подъезд из шахты лифта.

Дверь даже не пробовала сопротивляться: оказалась вообще не запертой.

В подъезде я не стала ждать лифта, который, казалось, опять кого-то вез. Похромала пешком.

Лифт остановился на верхнем этаже, когда я была на два этажа ниже. Я остановилась и прислушалась. Двери лифта открылись и закрылись. Больше никаких звуков не было. Потом лифт поехал вниз.

Ну и пусть его. Я тоже пошла вниз.

Когда я спустилась, внизу никого не было. Дверь подъезда оказалась заперта. Кодовый замок сломался. Дверь была железная, но замок обычный. Отмычку в него сунуть было некуда, все же электрический. Я попыталась сломать замок, ударив ногой в дверь рядом с ним. Но инерция у двери была слишком большая, она вздрогнула, но погасила большую часть силы удара. Замок остался целым. Ударить сильнее я не могла: сил почти не было. И ноги слишком сильно болели.

Тогда я машинально достала из волос нож и развинтила

замок.

Дверь не шелохнулась. Было похоже, что она приварена к раме.

Я вскарабкалась на перила лестницы, побалансировала на них, ища равновесия, борясь с дурнотой в угарной и стукнутой голове, из последних сил подпрыгнула до подоконника маленького квадратного подъездного окошка, расположенного под вторым маршем лестницы, и вцепилась в него.

То есть попыталась вцепиться, но измазанный какой-то склизкой дрянью подоконник мгновенно выскочил у меня из-под пальцев. Я приземлилась перед дверью и ушла в перекат. И чуть не слетела по лестнице в приглашающе открытую дверь подвала. Лестница тоже была заляпана какой-то дрянью. Что у них тут, гигантские слизняки-стервятники из подвала выходят и в окно выпрыгивают? Или разлагающиеся трупы шастают? Судя по запаху, или те, или другие.

В подвале было темно. Он ждал меня.

Перебирая руками по стенке, я поднялась на трясущиеся ноги, чуток постояла и вновь полезла на перила.

На этот раз мне удалось подпрыгнуть выше, и я вцепилась... в решетку! От кого защищает решетка на окошке подъезда? Таком маленьком, что в него и без решетки не пролезешь? Расположенного так высоко, что и кошка не допрыгнет? Разве что от пантеры...

Прутья были тонкими. Я покрепче обхватила их израненными пальцами, уперлась ногами в стену... Прутья высо-

чили, и я ракетой полетела горизонтально. А потом по параболе.

В полете бросила решетку и повисла на перилах: успела схватиться за них, пролетая мимо, и в лестницу башкой не врезалась.

Слезла с перил и посидела на холодной лестнице, отдыхая и успокаиваясь. Сидела, пока не стало казаться, что из ступенек в меня вползает смертельный холод подземелья.

Пришлось в третий раз лезть на перила и прыгать с них в окно.

Есть! Я уцепилась за края наружной поверхности стены! То, что они тоже оказались склизкими, как стены склепа, им не помогло: руками я давила в разные стороны и так, враспор, держалась.

Дело другое, что долго так не провисишь.

Но мне вскоре удалось подтянуться и, задерживая дыхание от отвращения и для уменьшения толщины, проскользнуть в окошко. Влезла я в него, развернувшись плечами по диагонали квадрата, и все равно, несмотря на слизь, покрывающую подоконник и стенки, с большим трудом. Все потому, что у кого-то слишком тесные окна.

Проскочив в окно, я тут же полетела вниз головой. Но я была к этому готова, и, сделав в воздухе пол-оборота, приземлилась ногами на козырек подъезда.

Который тут же с готовностью рухнул.

Но я почему-то уже ожидала и этого. Оттолкнувшись от

падающего массивного козырька – он был из железобетонной плиты – я приземлилась на асфальт, и, все больше ощущая себя персидским принцем, с удовольствием наблюдала, как рухнувший козырек вдребезги разносит крыльцо и разламывается сам, и как между обломками бетона с визгом распрямляются ржавые прутья освобожденной из бетонного плена напряженной арматуры.

Посидев некоторое время на асфальте, я со старушечьим кряхтением встала.

Во дворе никого не было. Только на стене рядом с дверью по-прежнему висели кровавые обгоревшие ошметки гаражных зомби. Двигаясь как испорченный робот, я зашагала по направлению к проспекту, которое разведала с этого дома с привидениями, катающимися в лифте.

Кстати, когда рухнул козырек, стальная дверь со скрипом отворилась.

Я повернулась и ушла...

–шла–шла–шла–шла–шла–шла–

...Иду до сих пор.

Иногда в арках попадаете горелое железо. Тогда я злобно смеюсь, чтобы не зарыдать от горя при мысли о Якуро.

Гаражи я обхожу по дальнему от въезда в них тротуару, ступая тихо и прислушиваясь. Тишина, разве что откуда-то издалека шумит проспект.

Шестнадцатизэтажки – они попадают в дворах реже, чем гаражи – тоже обхожу. У некоторых из них разрушено крыльцо. Не у всех. Однако у всех дверь подъезда открыта и внутри – слышно – гудит лифт. У некоторых стены заляпаны красным и черным.

Впрочем, может, это у меня в глазах все красное и черное.

Несколько раз мелькнула вдали, возле углового подъезда, фигура молодого человека на лавочке. Увидев его в первый раз, я чуть не побежала к нему. Но тут же остановилась и пошла прочь, в обход двора, оглябая гаражи по другой его стороне. И с остальными так поступаю. Ну его. Кто его знает, кто это сидит там, на лавочке. Вдруг мертвый Якуро с торчащим из груди и спины окровавленным ломом? Или мертвый, но живой вампир с внешностью Якуро? А на самом деле – старухин крокодил Гена?

Потом я отключилась. Только что шла, механически переставляя ноги, и вдруг сижу на ступеньках какого-то подъезда. В глазах медленно рассеивается краснота и чернота. Вот уже и встать могу.

Встала.

Ха, у какого-то! Не у какого-то подъезда я села, а у старухино! Это явный намек.

Черт с тобой, старая ведьма, подумала я и потащила к ней – прощения просить.

Глава 10. Повинную голову меч не сечет

– Прощения просить не буду! – нагло заявила я, едва старуха открыла дверь. – Я, положим, виновата, в квартиру к тебе вперлась. И врала, что открыто было. Но и ты за это вдоволь моей крови попила, моего мяса поела и покаталась-повалялась на моих косточках. А главное – зачем постороннего-то человека извела? Якуро тут при чем, людоедка ты бессмысленная?! – закричала я и вдруг заплакала, неожиданно для себя самой.

Да жив он, жив, твой Якуро, успокойся, Ринка, – захихикала старуха.

Я чуть не окосела...

– села–села–села–

...села, не помню, как. На какую-то галошницу в прихожей. И на некоторое время онемела. В голову будто кто позвонил, как в колокол, и теперь тонко гудело в ушах. Но сумасшедшая надежда уже овладела мной. Я уже верила ей. Да и какой смысл врать там, где легко можно проверить?

– А ты молодец, Ринка, – старуха, оказывается, продолжала болтать, как будто не замечая, что со мной творится. И только теперь, когда она второй раз назвала меня по име-

ни, я обратила на это внимание. – Я таких люблю. Смелая, ну прям как я в молодости. Прощения, говорит, просить не буду, а сама тут же и повинилась. И сразу – права качать. Восемь жизней из девяти потеряла, еле ноги таскаешь, а все как непобитая. Эх, когда оно было, то времечко, когда я такой была...

– Ну ладно, мне бы старой все болтать, – прервала она сама себя, а вам, молодым, время дорого. Любезный твой друг жив и здоров. Разве что кошмар ему приснился, но сейчас он об том не помнит. Ты мимо его уже сколько раз проходила. Только подойди к лавочке – и он твой. Но ты с ним поосторожнее. Он японский шапиён. Они, японцы, все хотят острова свои вернуть, и для того шапиёнов засылают. А вы и отдали бы, чужое-то оно впрок не идет. Ну, это дело не мое. А я еще другое скажу.

За храбрость твою я тебе твои восемь жизней исторгнутых верну, так уж и быть. И еще благодарность свою прибавлю. Шайку гаражных урок ты с японцем своим мне помогла вывести. Им всем теперь такой сон все время будет сниться, что долго они тут не задержаться.

Поэтому выбирай, чего тебе больше хочется. Перво-на-перво, как ты мне понравилась, могу тебя своей преемницей сделать. В обучение, значит, возьму, и все секреты передам. И утварь со скарбом. Когда помру, сможешь колдовать не хуже меня. А второе – могу тебе обсказать хоть прямо сейчас, то, зачем тебя ко мне посылали. Только предупреждаю

– пользы тебе самой от того никакой не будет, кроме вреда. Как говорится, любопытство сгубило кошку. Только думай скорее, время не терпит. Ну, чего выбираешь?

– То, зачем посылали, – твердо сказала я. Первое предложение ведьмы затронуло какие-то тайные струны моей души. Мне немедленно захотелось научиться колдовать. Показалось, что именно это – мое истинное предназначение... Но что-то подсказывало, что и сама старушка меньше меня уважать будет, если я откажусь от выполнения задания, даже в обмен на такую соблазнительную взятку.

– Ай, молодец, внучка! – опять восхитилась старая колдунья. – Делу время, потехе час, так? Только кто знает, где тут дело, где потеха... Ну ладно. Выбрала – значит, слушай. Подозрения насчет той вашей операции были правильные. Та операция была задумана в Америке. Только пользы теперь вам от того мало, потому как она давно уже, как вы говорите, увенчалась полным успехом. Им надо было что? Коммунизм ваш остановить, перестройку сделать, холодную войну выиграть, ученых переманить, и все – вашими же руками. Потому что своими не получалось. А так – все получилось, да ты же знаешь, чай не слепая. Сделали все их агенты в вашем КГБ. А теперь ФСБ. Дальше эти агенты проведут своего президента России с помощью американских им... имиджмейкеров, вот, и ихних же выборных технологий. Твоим бывшим начальникам с ними не совладать, не стоит и пытаться. Муравьи они против них. И мне не совладать. У них свои ма-

ги... магистры есть, а за таких, как я, дают пяточок за пучок, да еще в базарный день. Всей моей силы хватит только, чтобы следы замести, что я в ихнюю канцелярию влезла. Вот, видишь, сегодня купила, – и старуха неожиданно протянула мне... аэрофлотовский билет! Который я машинально взяла.

– А это – твой, – добила меня колдунья, доставая еще один такой же билет, пока я лупала глазами на тот, что держала в руке, и тоже отдавая его мне. Я взяла и этот.

– У тебя доллары твои где? В камере хранения в аэропорту, верно? Можешь не кивать, сама знаю... И паспорт твой заграничный тоже там.

Я разглядывала билеты. Это были целые книжечки на полет с пересадками. Рейс намечался... Тарасов – Москва – Алма-Ата – Дели – Бангкок – Тайвань! Причем на трех самолетах. Из которой последний – другой компании, хоть билет выдан Аэрофлотом.

– У меня нет визы на Тайвань, – сказала я, чтобы показать, что и я не лыком шита, – да тут, наверное, одной визой не обойдешься? Небось, и от индусов виза нужна, и от тайцев.

– Каких еще тайцев, – растерялась старушка, – тайваньцев?

– Тайцев, которые в Таиланде, – объяснила я. – Или мы в Бангкоке из аэропорта вылезать не будем? А там, вообще-то, говорят, интересно. И в Дели.

– Интересно будет живыми остаться, – возразила колдунья. – А впрочем, можем и прошвырнуться. А насчет виз, ты

это, глянь сначала в свой заграничный паспорт, когда в камере хранения его заберешь, а потом говори, есть там визы или их там нет, – хитро заулыбалась колдунья. Я только рукой махнула. Поняла, что визы там будут. Или, по крайней мере, их там будет видно тем, кому нужно их видеть...

– Я-то уже собралась, – показала она на два объемистых баула на полу в прихожей. Один сильно пах смесью множества хорошо знакомых, смутно знакомых и вовсе незнакомых запахов, другой слабо шевелился. Я поняла, что там крокодил, и хотела было спросить, как мы пронесем его через таможню, но опять только махнула рукой. Ясно, что уж таможенников хитрая бабка так обведет вокруг пальца, что мы хоть табун крокодилов мимо них будем гнать, сами гарцуя на парочке особо крупных – они не заметят.

– Ах, да, – спохватилась я. И замолчала, разглядывая себя. Хотела-то я сказать, что в таком виде меня на самолет в Москву не пустят. Не говоря уже об загранице. Покалеченную, окровавленную, в грязных лохмотьях. Хотела сказать, но не сказала. Потому что выглядела я, оказывается, так, как будто все происходившее было просто кошмарным сном. Да и не болело уже ничего! Так, подумала я. Надо будет ее обязательно расспросить после, что же было. Страшный сон – или страшная жизнь, но с чудесным излечением в конце? Но потом. Потому как что-то мне заранее кажется, что простого ответа типа «да-нет» я не добьюсь.

– А у тебя много вещей дома, которые с собой брать на-

до? – спрашивала меж тем колдунья.

– Ничего такого, за что стоило бы жизнью рисковать, – подумав, отозвалась я. Старухины откровения меня проняли. Если против меня ЦРУ, ФБР, ФСБ и ГРУ единым строем, а за – только бывший уволенный и скрывающийся БГ, котти надо рвать немедля. Да еще этот их почти готовый президент...

– Вот и молодец, – опять восхитилась старая, – ну совсем как я молодая была. Значит, тогда так. Бери баулы и иди вниз. Там с самураем со своим встретишься. Только имей в виду, он ничего не знает. Разве что сон ему снился, но вряд ли он его запомнил. Знакомься заново. Проси помочь донести вещи до машины. Адреса ему не давай, про Тайвань не говори. Проси у него адрес, хоть в Тайбэй до востребования. Из Синьчжу ему напишешь, свой адрес пришьешь. Там недалеко, а все ж другой город, безопаснее. Когда его, шапиёна твоего, тут накроют, его на кого-нибудь в Японию обменяют. Там свои в отставку отправят. Если не дурак, хакакири делать не будет, приедет к тебе на Тайвань, помогать станет. Ты же, небось, там детективом будешь, как тут подруга твоя? Над которой сильничают все время? Ну вот, а он китайский хорошо знает. В Военном институте иностранных языков дают не только язык, но и этот, как его... менингит... нет, метилен... Алитет мента? – мент алитет, вот! Да и для представительства хорошо, а то китайцам девка-детектив еще непривычнее, чем у нас...

– И когда же он приедет? – нетерпеливо перебила я. На-
меки на то, что я хочу стать детективом потому, что на этой
работе все время насилуют, мне не очень понравились. – И
вообще, я уже раздумала быть детективом! Хочу книги пи-
сать!

Старуха ненадолго задумалась.

– Примерно через год приедет, – наконец, сказала она, – а
точнее я потом определю. Сейчас времени нет гадать по-на-
стоящему. А книги писать – это ты хорошо придумала. Они
сразу подумают – книги пишет – значит, больше ни на что
уже времени нет, с расследованиями своими глупыми куда
не надо не полезет. Пиши и присылай в Тарасов. Есть у тебя
тут какие-нибудь знакомые, чтобы книги издавали от твоего
имени? Но притом чтоб говорили, что тебя вовсе нет, так,
вывеска такая. Может, хватит книг и того, что ты больше в
Тарасове светиться не будешь, чтобы до Тайваня тебя не от-
слеживать. А там можешь и порасследовать чего, если инте-
рес не пропадет. Годик только подождешь – и гребни счастье
лопатай! Сейчас же только глазками шапиёну своему похло-
пай и адресок возьми. А я тут пока что телефончиком зай-
мусь. Телефончик свой так настропаю, чтоб дольше его ис-
кать потом пришлось, да и звякну начальнику твоему, что,
дескать «Папа Поправился». Если он очень-очень умный, то
у него тоже вариант отхода имеется. И медлить он не будет.
Глядишь, когда еще и свидитесь, мир велик, но тесен. Хотя
вряд ли скоро. Ну все, давай, шевелись шибче! На самолет

опоздаем! Заруби себе на носу: если опоздаем и придется мне рейс задерживать по техническим причинам, ни за что в твоём детективном деле помогать не стану, так и знай! Потому как вражьи магистры вынюхать могут. И секретов моих не дождешься! Рули шеметом!

Я подхватила старухины баулы, один с кореньями, другой с крокодиллом, и поразилась тому, что оба, казалось, ничего не весили. Ну, надо надеяться, колдунья знала, что делала, и Якуро они таким легкими не покажутся. Надо будет перед выходом из подъезда согнуться, таща их. А то он не поверит, что мне нужна его помощь. Кстати, а зовут ли его на самом деле Якуро, или только приснилось? И я поскакала вниз по лестнице, заново знакомиться «со своим японским шапиёном». Лифтам я и раньше не очень доверяла, а после приключений в башне они мне окончательно разонравились.

И я оказалась права, но это уже совсем другая история.

—пока—все—пока—